

Марина Туржевская

ДВЕРИНДАРИУМ ЖИВОЕ

18+

Двериндариум

Марина Суржевская
Двериндариум. Живое

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Суржевская М.

Двериндариум. Живое / М. Суржевская — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Двериндариум)

Самозванка Вивьен Джой открыла заветную Дверь и вошла в Мертвомир. Совершила то, о чем приютские дети могут только мечтать. Я увидела мир с другой стороны, узнала его секреты и встретила жутких чудовищ. Чем одарило меня одно из них? И какие страшные тайны скрывает Двериндариум?

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Грезы	13
Глава 3. Прошлое и настоящее	18
Глава 4. Черное пламя	26
Глава 5. Подземелье	33
Глава 6. Совет и первый урок	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Пробуждение

Мелкая говорила: «У меня есть башни из слов. Выше облаков, прочнее стали... у меня есть заклинание, а в нем загадка. Дай ответ – и твое желание сбудется. Дай ответ, Ржавчина...»

Глупости болтала. Как и все девчонки. Я ей не верил, знал, что глупости, но каждый раз исправно отвечал... И странно было, что детское заклятие работало. Конечно, все лишь совпадение, даже в детстве я не верил в подобные глупости. Но почему-то не хотел огорчать мелкую...

Я помню день, когда она появилась в приюте. Такая чистенькая, в красивом платьице с кружевным передником, в бархатной накидке. С косичками до самого пояса и штормовыми глазами, в которых застыла какая-то недетская грусть и немного – удивление.

Настоятели привели ее в общую комнату и оставили на растерзание приютских выкормешей. С девчонки мигом содрали бархатную накидку и красивый передник, отобрали мешочек с пожитками, распотрошили его. Вытащили вещички, кулек с конфетами, ручное зеркальце. Ну и стукнули, конечно, мелкую для острастки, чтобы место знала.

Я сидел, как и положено – наверху, глядя на копошащихся приютских крысят, роющихся в чужих вещах.

Девчонка на удивление молчала. Не орала, не ревела, не кидалась отбирать свои пожитки и платьица. Молчала, смотрела с каким-то нездешним удивлением, хлопала своими штормовыми глазами. Зеркальце присвоила Корка. Ей, как и мне, исполнилось семь, и она уже оценила силу своего красивого личика. Передник глупые девчонки порвали, потому что поделить не смогли, так и тащили в разные стороны, пока ткань не треснула. Конфеты принесли мне. Кулек я взял, цыкнул на малышню, взирающую на сладости голодными глазами. Крысята притихли, отшатнулись. Я сунул руку в кулек, вытащил что-то яркое и сладко пахнущее, положил в рот. Причмокнул, не отрывая взгляда от пришедшей девчонки. Чтобы знала, что все ее теперь принадлежит мне. Захочу – все отберу. Захочу – и стукнут ее уже не для острастки, а по-настоящему. Пусть знает, кто здесь хозяин! Знает и боится! Потому что страх – это сила. Единственная сила... Что-что, а эту истину я усвоил раньше, чем начал ползать... А новичков надо учить сразу, ставить на место, а то являются такие чистенькие, думают, лучше нас, приютских крыс...

Чистенькая новенькая тарасилась без всякого страха. Лишь с изумлением, а еще... смехом?

Я поперхнулся непонятной конфетой, выплюнул на руку. Что это такое?

– Надо без бумажки, – слегка картавя, пояснила девчонка. – И лучше вот эту, красную... она вкусная.

Пока я кашлял, выплёвывая остатки размокшей во рту бумажки, мелкая забрала у меня кулек – невиданная наглость! И раздала конфеты крысятам. Тем, что не участвовали в дележке ее скудного имущества. А потом еще и осмелилась хлопнуть меня по спине, чтобы выбить из горла застрявшую там липкую бумажку!

Кашлять я перестал. Крысята притихли, судорожно пряча за щеками сладости – пока не отобрали. Уставились на меня, ожидая расправы. А пришедшая глупышка и не понимала, что ей теперь каюк. Стояла и чуть ли не улыбалась, рассматривая меня!

Я вытащил кусок стекла, подкинул на руке. Штормовые глаза стали круглыми. Поигрывая острым стеклом, я пошел к девчонке. Шел я медленно, зная, что каждый шаг – как приговор. И пора бы ей уже начать реветь да умолять о снисхождении. Только эта чужачка не ревела. Даже когда я срезал под корень ее косы. Держать только пришлось, но тут Плесень и Проныра помогли, как всегда... Без кос мелкая стала какой-то другой... Я сунул стекло ей под нос, повертел.

– Поняла, – весомо произнес я.

– Поняла, – фыркнула мелкая. – Дурной ты причесочник! Руки кривые!

Мор засмеялся, и я двинул ему кулаком. Хотя надо было треснуть девчонку. Но я двинул Морю. Мор двинул мне, а дальше понеслось... Конечно, прибежали настоятели, отправили меня в холодный сарай – остывать. Остыл я там изрядно, все ж конец осени был. Сидел на досках, думал, злился. И все пытался представить, какой вкус был у той красной конфеты...

И как зовут эту гадкую девчонку, которой я ночью обрежу не только волосы, но и уши! Обязательно обрежу! Вот только выйду из змеева сарая...

* * *

Я открыла глаза и долго смотрела на светлый квадрат окна, пытаюсь понять, где нахожусь. Тяжелые синие портьеры, обрамляющие раму и стекло, оказались незнакомыми. Где я? Что произошло?

Молчащая память вдруг всколыхнулась и утопила в воспоминаниях. Напряженная спина Криса, стоящего перед дверью, яркий свет Мертвомира, бег... Нападение. Эфрим. Чудовища... Кольцо, упавшее к моим ногам.

Страх и непонимание сжали горло. Где Кристиан? Что с ним? Жив ли?

Я охнула, подняла руку. Попыталась поднять, потому что в теле разлилась вязкая предательская слабость. С трудом поднесла ладонь к глазам. Вот она – черная лента вокруг запястья. Значит, ничего не приснилось. Все было по-настоящему.

Я побывала в Мертвомире и вернулась... вернулась в полном смысле этого слова.

Осторожно, боясь дышать, взяла свою прядку, распрямила. И не сдержала всхлипа. Темно-каштановая и длинная. И зелень из моих радужек, наверняка, тоже исчезла. Ко мне вернулся мой истинный облик, облик Вивьен Джой. Но почему? Меня захлестнуло отчаяние. Неужели таково действие Двери? И куча февров видели меня с этим клятым цветом волос и этими глазами! Тогда почему я лежу в довольно удобной кровати, а не сижу в каком-нибудь подвале? Хотя... верно, меня будут допрашивать. Чтобы узнать, как я решилась на столь жуткое преступление, где раздобыла документы Ардены и куда дела саму госпожу Левингстон.

Мне стало нечем дышать. А ведь я понятия не имею, где находится мой «подлинник». Ардена не говорила, где собирается провести этот год, как скрываться. Я даже не знаю, кто ее возлюбленный. Да даже если бы и знала... Ардена ведь предупреждала, что от всего отопрется. И отвечать придется лишь мне.

Я закрыла глаза. Впрочем, это справедливо. Я сплеховала, значит, мне и нести ответственность. Ардена дала мне шанс, а я... Надеюсь, меня казнят быстро и без пыток.

Стоило подумать о последнем, и стало зябко.

Я натянула на глаза приятно пахнувшее лавандой одеяло, тихо всхлипнула. Пыток не хотелось. Казни, впрочем, тоже.

Надо бежать! Хоть попытаться! Я не сдамся просто так, я буду бороться! Может, угнать транспорт, взять на таран ворота из Двериндариума, пролететь мост? Или переплыть залив, чтобы оказаться на большой земле! Одна загвоздка – я не умею водить транспорт, не умею ездить на лошадях, не умею плавать... У меня есть две ноги, которые неплохо работают, только в этот раз умение бегать не поможет.

С острова Двери не сбежать, если нет крыльев!

Вздыхнув, я отвернулась от окна, откинула одеяло и села. И тут же из кресла напротив поднялась пышнотелая женщина в коричневом платье и белом переднике. На правой стороны груди был вышит зеленой нитью знак врачевателей.

– Проснулась? – незнакомка потрогала мой лоб, заставила высунуть язык, внимательно осмотрела глаза и радужки.

Я громко сглотнула и дернулась в сторону, ссутулилась. И так ясно, что мне каюк, зачем это подчеркивать? Зажмурилась, зябко поджала босые ноги – от двери тянуло сквозняком. На мне оказалась длиннополая хлопковая сорочка. А комната очень напоминала лекарскую.

– Где я? – голос удивил хрипылыми нотами. – Сколько прошло времени? Что с Кристианом?

– Успокойтесь. Хотите в уборную?

Я быстро кивнула и попыталась встать. Шатнулась, ухватила за спинку кровати. И почему я такая слабая?

Женщина сунула мне под ноги бархатные домашние туфли и проводила за дверцу, где находилась уборная. Зеркала внутри не оказалось. А стоило вернуться, и меня тут же запихнули обратно в постель и сунули под нос чашку с каким-то варевом. Я сделала глоток, поперхнулась. Настой оказался ядрёным – смесь трав и специй, меда и лекарств. Но горло иссушила жажда, поэтому я выпила все до дна. Закашлялась, и женщина стукнула меня по спине. Заботливая какая, надо же! Ну да, обидно будет, если жертва скончается раньше времени от удушья!

– Хватит! – от страха я рявкнула сильнее, чем хотела, и врачевательница обиженно поджала губы.

– Вам надо успокоиться, – несколько нервно произнесла она. – И еще поспать. Период слияния еще не закончился, любое волнение может дурно сказаться на вашем здоровье.

– Период слияния? Я не понимаю. Сколько прошло времени с того... дня? Один? Два?

– Почти неделя, – уронила женщина и тут же спохватилась, увидев мои вытаращенные глаза.

– Я проспала неделю? – ничего себе! На всю жизнь выпалась, Вивьен. На мою оставшуюся короткую жизнь! – Что с Кристианом? Он жив?

– Вы не должны волноваться...

– Скажите мне!

– Февр Стит жив.

Я моргнула. Глаза слипались, тело налилось тяжестью. Клятый напиток! В нем было снотворное!

– Дайте мне зеркало, – попросила я, пытаясь побороть сонливость. Выходило плохо. Что бы ни добавили в настой, похоже, это могло свалить и эфрима. Ох, зря я о нем...

– Никаких зеркал...

Я не заметила, как уткнулась носом в подушку.

– Вам надо еще поспать...

Я провалилась в дрему раньше, чем женщина договорила.

* * *

Второе пробуждение вышло более успешным.

Стоило открыть глаза, как ко мне снова подошла врачевательница, только на этот раз, к моему удивлению, Саманта Куартис собственной персоной. За ее спиной маячила дородная фигура прошлой, так и не названной, женщины. Леди Куартис обхватила мое запястье, прикрыла глаза и довольно улыбнулась.

– Прекрасный, здоровый организм. И вполне удачное слияние, никаких отклонений и никакого безумия. Ее разум чист, несмотря на столь печальные обстоятельства! А ведь мы волновались, что будут последствия. Сухие травинки в волосах, вода, остатки мёртвого древесного сока... Мелочи, конечно, но иногда могут повлиять и они... Но вам повезло. Вашу колыбель явно качал Божественный Привратник! Ваш разум остался чист. Хотя мы будем наблюдать, конечно... иногда последствия наступают после периода слияния. Но пока все прекрасно!

Я мало что поняла из ее пламенной речи. Лишь то, что леди не знает об уготованной мне судьбе, раз говорит о везении!

– Давайте снова проверим ее железом, леди Куартис, – тревожно прогудела пышнотелая. – А то мало ли...

– Я и без мертвого железа вижу, что все в порядке, – отмахнулась леди Куартис. – Прекрасный, сильный организм – замечательно! Мертвомир не заразил ее своим проклятием. Эта девушка выдержит любые испытания, уж поверьте моему опыту!

Я нервно выдернула свою руку. Что выдержит? Попытки каленой кочергой? Или что-то похуже?

И снова мой первый вопрос был:

– Где Кристиан?

Леди Куартис вздохнула и встала с края моей кровати.

– Милая, думаю, для начала вам стоит посетить купальню и поесть, вы слишком долго провели в наведенном сне, который создала Анна. – Она указала на топчущуюся рядом помощницу, и я глянула в ее сторону уважительно. Каждая лечебница Империи мечтает заполучить себе Заплетателя снов, или по-простому – плетуна. Анна вынесла из Мертвомира очень ценный и полезный Дар. – Такой сон исцеляет, но пора восполнить ваши ресурсы. А после вам надо поговорить с февром Квином, он ждет вашего пробуждения. А мы увидимся завтра, моя работа закончена. Анна, вы подготовили настой для пациента из двенадцатой комнаты? Меня беспокоит столь медленное возвращение его сил...

Леди махнула рукой и удалилась вместе с Анной. Я осторожно села на кровати, повертела головой. За синими портьерами плескался яркий осенний день, и невыносимо захотелось туда, на улицу. Вдохнуть горьковатый воздух Взморья, ощутить на щеках покалывания ветра! Увидеть дом на улице Соколиной Охоты, и чтобы внутри меня ждал Крис. Надеюсь, с ним все будет в порядке... и моя ложь не станет для него ударом.

Поёжившись, я сунула ноги в домашние туфли и медленно двинулась в сторону купальни. Потянувшись, размяла слегка онемевшее тело. Чувствовала я себя вполне сносно, только живот урчал, требуя еды.

В купальне я стянула хлопковую сорочку и залезла в чугунную ванну. Горячая вода приятно освежила и разогнала по телу застоявшуюся кровь. Волосы я мыла ожесточенно, терла и терла, словно все еще надеясь вернуть им золотистый цвет. Совсем недавно он меня раздражал, а сейчас я отдала бы что угодно, чтобы снова выглядеть, как Ардена!

Зеркала в купальне не оказалось, но почему-то я была уверена, что радужки моих глаз серые. От обиды захотелось расплакаться, но я лишь стукнулась лбом о край ванны, охнула от боли и вылезла, расплескивая воду. От сожалений и слез никакого толка, так что не стоит тратить на них свое время. Некоторое время я стояла посреди купальни – мокрая и дрожащая – и таранилась на свою руку, обвитую черной лентой. Поскребла ногтем – бесполезно, рисунок казался частью моей кожи. Впрочем, так оно и было. Я прислушалась к себе и не ощутила никаких изменений. Но ведь я получила Дар! Дар, ставший частью меня. Дар, возникший из железного колечка. Дар эфрима.

Сердце дрогнуло и заболело. Его словно проткнули шипом, да так и оставили – истекать кровью. Я сжала кулаки. Сейчас я не буду об этом думать. Я подумаю немного позже. Когда пойму, что со мной сделают, и жив ли Кристиан. Потому что стоит вспомнить об эфриме, швыряющем на землю кольцо, и меня начинает трясти от ужаса и понимания.

Накрыла рукой шрамы на боку. Они выглядели так безобидно – всего лишь отметины на коже, но теперь я знала, что этот рисунок – нечто большее.

Торопливо обтеревшись, я натянула приготовленную для меня форму. Знакомую зеленую форму Двериндариума. Жесткий мундир лег словно панцирь, неожиданно успокаивая. Оказывается, я успела привыкнуть и к нему.

Завязав влажные волосы, вернулась в комнату.

Моя кровать оказалась уже застеленной, а на узком столике у окна ждал обед. Я облизнулась с жадностью, увидев тарелку ароматного супа и золотистую лепешку. Угощение умяла в два счета, а когда облизывала ложку, дверь открылась и вошел февр Квин.

Я икнула, порадовавшись, что обед уже съеден. Появление Верховного могло испортить аппетит.

«Смерти надо смотреть в лицо», – говорил Ржавчина. Я и смотрела. Приятное такое мужское лицо, слегка уставшее. Взгляд только острый, словно лезвие идаара. Как будто февр Квин способен расчленил меня одним этим взглядом!

Я нервно сглотнула, ощущая, как затрепыхался в желудке куриный бульон.

– Как вы себя чувствуете? – мужчина уселся напротив, внимательно рассматривая меня. – Слабость, головокружение? Леди Куартис сказала, что ваше состояние стабильно.

– Где Кристиан? – от страха я даже забыла про вежливость. Да и зачем она приговоренной? – Почему мне никто не отвечает? Он жив?

– Жив, – сказал февр, и я ощутила, что дышать стало немного легче.

Главное, что Кристиан жив... Значит, я смогла хоть немного искупить свою вину перед ним!

Я откинулась на спинку стула и потребовала:

– Дайте мне зеркало. Я хочу себя увидеть.

Верховный вздохнул, потянулся к моей тарелке и прикоснулся к ней. Матовая фарфоровая поверхность пошла рябью, словно крошечное озеро, а потом застала отражающим серебром. Почти идеальное зеркало!

Верховный приподнял уголок губ, увидев мой взгляд.

– Не слишком полезный Дар для карателя. Хотя и ему мы смогли найти применение. Прошу вас.

Я осторожно повернула зеркальное блюдо. Тени под глазами, бледные губы. Темные прядки, выбившиеся из косы. И тревожные серые глаза, словно вода в полынье... Моя последняя надежда сдохла в мучениях.

Рука дрогнула, и тарелка со звоном грохнулась на пол, разлетевшись осколками – обычными, не зеркальными. А я, не выдержав, закрыла лицо руками. Плечи осунулись, а из глаз хлынули слезы. От страха, неизвестности и понимания, что мечты разрушены и надежды не сбылись. Меня затрясло. Хлопнула дверь, а на плечи вдруг опустилась теплая ладонь.

– Посмотрите на меня. Прошу.

Перед моим носом оказался белоснежный батистовый платок. Вытерев глаза, я глубоко вздохнула, ругая себя. Трусиха! Разревелась, как маленькая, да перед кем? Своим палачом?

Вернее, палачами. Потому что пока меня трясло, в комнате появилась девушка – красивая, темноволосая и темноглазая, она была похожа на уроженку знойной Гранданы, родины Ливентии. Переглянувшись с февром, незнакомка присела рядом со мной.

– Меня зовут Лейта Скарвис. Послушайте, вы не должны плакать, – мягко сказала она. – Понимаю, сейчас вам кажется, что жизнь ужасна, ведь вы утратили часть себя. Очень ценную часть. Но поверьте, все не так плохо! И совсем скоро вы полюбите себя и такой. Примите и полюбите. Посмотрите на меня, – она ткнула пальцем в свое лицо. – Думаете, я родилась с такими глазами, кожей, волосами? Нет. Я подданная Колючего Архипелага, истинная бесцветная. Вьюга одарила меня белоснежными волосами и рубиновыми глазами, но Мертвомир это изменил. Такое случается, хотя и довольно редко. Это трудно принять. Очень трудно... Мой клан это так и не принял, хотя Дары Двери не обсуждаются... но вы должны смириться...

Что?

Я застыла, непонимающе уставившись на говорящую. Нет, то, что она изменилась, пройдя сквозь Дверь, я как раз поняла. А вот все остальное... Они что же, решили, что мои изменения случились из-за Дара?! Меня не казнят?!

Слезы снова хлынули из глаз, только на этот раз от облегчения. Меня не казнят! И кажется, даже пытать не будут! Неужели правда? Или все это лишь злая шутка – и стоит поверить, как февр Квин наденет мне на руки кандалы и потащит в клетку?

Лейта Скарвис все еще говорила, но я ее не слушала. Мысли неслись сумасшедшим галопом, ускоряя ток крови и кидая меня то в жар, то в холод. Я боялась поверить. Нет, этого не может быть! Неужели повезло?

Впрочем, я ведь знала, что Дверь меняет людей! Именно этого так боялась Ливентия! Южная красавица больше всего опасалась, что Мертвомир заберет ее красоту! Как же я об этом забыла? Хотя тут немудрено запамätтовать и собственное имя! Хорошо, я хоть не ляпнула чего-нибудь непростительного!

О Божественный Привратник! Благодарю, что прикрыл полой своей мантии! Хотя, скорее, благодарить надо Двуликого, верно, бог мошенников и лгунов взял меня под свою опеку! Только, болтают, что за помощь Змея платить придется своей душой. Впрочем, не велика ценность.

Пока я тряслась, разрываясь между желанием снова разреветься или рассмеяться, Лейта Скарвис обеспокоенно повернулась к Верховному.

– Думаю, стоит позвать целителей, – зашептала она. – Похоже, все хуже, чем мы думали. Ей понадобится время, чтобы смириться...

– Это всего лишь волосы! – недовольно буркнул февр Квин.

– Для вас, – упрекнула Лейта. – А для юной девушки – это ее красота. Да еще и такой невероятный золотистый цвет... Когда я утратила свой – белоснежный, то несколько месяцев думала, что лучше было навечно остаться за Дверью!

– Ну что за женские глупости! – февр досадливо стукнул кулаком по столу, но тут же взял себя в руки. И постарался смягчить голос. – Госпожа Левингстон, мы позовем целителя, вам нужен успокоительный настой, хотя Леди Куартис уверяла, что вы пришли в себя. Видимо, не до конца...

Я еще раз шмыгнула носом, вытерла его белоснежным батистом и выпрямилась.

– Не надо целителя. Я... смогу это пережить. – Обвела взглядом встревоженные лица. И добавила в голос дрожи: – Не сразу, конечно. Это просто... ужасно!

– Вашему здоровью ничего не угрожает, госпожа Левингстон, – хмуро сказал Стивен Квин. – И это самое важное. Вы в состоянии продолжить беседу?

– Как только вы скажете, что с моим братом, – оживилась я. Кто бы мог подумать, что обращение «госпожа Левингстон» станет моим целительным эликсиром! Я ведь уже распрощалась с жизнью, а оно вернуло мне будущее! Благодарю тебя... Двуликий!

– Стит все еще спит. Анна погрузила вашего брата в исцеляющий сон.

– Но он поправится?

– Он быстро восстанавливается, – сухо улыбнулся Верховный. – Левингстоны всегда были удивительно живучими. И так как февр Стит пока не может предоставить отчет, я жду его от вас, Иви-Ардена. Вы должны рассказать все очень подробно, не упуская ни одной детали. Сначала мне, после Совету Двериндариума и архивариусу, который запишет ваш рассказ. Очень подробно. Вы понимаете?

Я кивнула. Что же тут непонятного? Конечно, расскажу. Хотя и не все... Врать я уже научилась виртуозно, у Двуликого хорошая ученица!

Лейта Скарвис ободряюще мне улыбнулась, шепнув, что я отлично держусь, и мы еще увидимся. Мимолетно коснулась моих волос, и влажные пряди мгновенно высохли. Девушка

снова улыбнулась и покинула комнату. А февр впился в меня взглядом, ожидая отчет. Но я уже взяла себя в руки.

Поначалу рассказ шел туго, я запинаясь, вспоминая, как стояла перед Дверью, как открыла ее. Как увидела Мертвомир. Подробно описала крылатую статую, развалины Серого Замка и одежду из лопухов.

– Куда вы отправились на поиски? – поторопил февр.

– Налево, через лес, – слегка запинаясь, ответила я. Помолчала и мысленно попросила у Кристиана прощения за то, что выдам его тайну. Впрочем, сам Крис больше не может вынести из Мертвомира Дар, а мне сейчас важнее сохранить иллюзию правдивости. Я надеялась, что эта правда способна прикрыть то, о чем я умолчу. – Не знаю, как объяснить точнее. Там был старый, давно заброшенный дом. Крыша местами обвалилась, а стены заросли кустарником и плетущимися растениями. Со стороны кажется, что это обычный холм...

– Заброшенное строение? Можете показать на карте? – оживился февр Квин и вытащил из кармана сложенный листок. На столе он развернулся несколько раз, приобретая реальный размер – еще одна вещь, сделанная двери-асом.

Я опустила голову, всматриваясь в совершенно реальные, хоть и крохотные развалины Серого Замка, копию Двери и шелестящий кронами лес. Это была карта Мертвомира!

Перевела взгляд и увидела тот самый холм – дом, внутри которого мы с Кристианом искали Дар. Сверху дрожала синяя точка. Я быстро скользнула взглядом по карте. Синие, красные и черные пятнышки усыпали изображение Мертвомира. Интересно, что они означают? Возле Двери почти все было черным, а вот дальше попадались и другие цвета. Может, это вероятность нахождения полезной вещи? Ясно, что чем дальше от Двери, тем больше шансов.

Понимая, что не стоит глазеть слишком долго, я ткнула пальцем.

– Мы были здесь.

– Уверены?

– Я не разбираюсь в картографии, – поджала я губы. – Но этот холм очень похож. И я помню этот камень, я об него споткнулась и ушибла босую ногу! Могли бы и предупредить, что придется бегать в таком постыдном виде!

Верховный глянул на указанное место, не обращая внимания на мои возмущения. Его взгляд стал удивленным. Карту он свернул и снова спрятал в свой безразмерный карман.

– Значит, Дар вы нашли здесь? Удивительно, это место почти перешло в черный бесполезный сектор.

– Так и есть, потому что Дар я там не нашла. Я искала, пока мое время не закончилось. Кристиан велел возвращаться. Пришлось бежать обратно с пустыми руками. А возле родника на нас напал эфрим.

– Подробно! – вскинулся февр, и я поежилась. – Как он выглядел? Что делал? Как двигался? Рассказывайте!

Я нахмурилась, но Верховный даже не подумал извиниться за резкость. Острый взгляд стал стылым, словно Взморье, и таким же губительным. Я ощутила холодок, пробежавший по спине. Не стоит забывать, кому я вру. Этот человек не просто каратель, он Верховный Двериндариума. И я даже думать боюсь о его возможностях.

К счастью, среди них, очевидно, нет умения читать лживые мысли самозванок!

Так что я глубоко вздохнула и продолжила. Когда я вспоминала битву эфрима и Кристиана, голос дрожал и прерывался, даже изображать не пришлось. Мне и сейчас было жутко даже думать о той бойне. А еще страшнее – о том, с кем сражался мой мнимый «брат». Страх снова сдавил горло, и я запнулась, закрыла глаза, не в силах совладать с паникой.

Февр Квин недовольно вздохнул, но протянул мне стакан с водой.

– Выпейте. Я понимаю, что для вас случившееся большой удар. Но давайте продолжим...

– Никто не говорил о чудовищах, – слабым голосом произнесла я. – Никто не предупреждал!

– Вам говорили об опасности. Дары надо заслужить. Вы знали о риске.

– Но не о чудовищах! – не сдержалась я.

– Такова цена, – жестко оборвал Верховный. – Я понимаю, для вас это выглядит ужасно. Но Двериндариум не зря хранит свои секреты. Дары – сила Империи, которая стоит даже жизни!

Я допила воду, опустив ресницы, чтобы скрыть взгляд. Стоит жизни, говорите? Не думаю... Ох, не зря и Ливентия, и Ардена пытались избежать похода за Дверь. Аристократы и богачи не желают таких Даров, не хотят рисковать жизнями – своими и своих детей.

– Все не так плохо, – мрачно произнес февр. – Нападения случаются крайне редко, последнее – несколько лет назад. Вам просто... не повезло. Напавший эфрим был один? Опознаете его?

Он снова засунул руку в карман – и на стол легло с десятков изображений эфримов. Я содрогнулась. С желтых листов скалились и рычали чудовища. Иногда хочется, чтобы работа двери-асов была не столь... реалистичной!

Я опознала эфрима сразу же, хотя и пыталась отвести взгляд. Не смогла. Я снова видела рога, крылья, оскаленную пасть. И черные глаза, отливающие рыжиной, которой не было на изображении, но которую видела я.

Врать бессмысленно, Кристиан наверняка узнает чудовище.

– Этот, – прохрипела я и снова схватилась за воду.

Февр Квин заметно помрачнел. Похоже, ответ ему не понравился, хотя какая разница, что за эфрим напал? Но похоже, разница все же была. И не только для меня.

Я заставила себя расцепить пальцы, сжавшие стакан, еще немного – и раздавлю.

– Рассказывайте дальше, – приказал Верховный.

– А это почти все. Зверь ранил Кристиана. Мне пришлось тащить его обратно. А когда мы почти дошли, я внезапно увидела в корнях дерева кольцо. Я споткнулась, дерн откинулся... а там блеснуло. Схватила кольцо и открыла Дверь. Вот и все.

– А эфрим? – подался ко мне Верховный.

– Эфрим? – я сглотнула. – Когда мы уходили, он остался лежать в траве. Кристиан его убил.

В глазах февра Квина мелькнуло что-то настолько лютное и опасное, что я отшатнулась. Но длилось это лишь миг. Или мне показалось?

Верховный кивнул и даже почти улыбнулся.

– Что ж... Отдыхайте, Иви-Арден. Завтра повторите свой рассказ Совету. И постарайтесь вспомнить больше подробностей. Благо Двери!

– Благо Двери, – пробормотал я. И вспомнила: – Но февр Квин! Я ведь вынесла Дар! Почему я ничего в себе не чувствую? Ничего нового! Неужели мой Дар – это лишь новый цвет волос и глаз?!

– Возможно, и так. Дары бывают совершенно бесполезными. Отдыхайте. Если у вас появились новые способности, мы их найдем. Чуть позже, Иви-Арден. Сейчас вам надо набраться сил.

– А Кристиан? Я могу увидеть брата? И вернуться домой?

– Вы покинете лечебницу, как только леди Куартис даст разрешение. А навещать Стита сейчас бесполезно. Он видит наведенный сон и вас не узнает.

И, не прощаясь, Верховный сгреб со стола листы, сунул их в карман и стремительно удалился.

А я осталась, кусая губы и пытаясь утихомирить отчаянный стук сердца.

Глава 2. Грезы

Стивен Квин постоял, задумчиво рассматривая дом на улице Соколиной Охоты, который ничем не выделялся в ряду таких же аккуратных и уютных домов для обеспеченных учеников, фэвров и наследников старшего рода. Фасад из красного кирпича, белые ступени с резными перилами и навесным козырьком, строгие рамы окон, черепица на крыше и кусты остролиста вдоль стен. Красивый дом, красивая улица.

Февр раскрыл серебряную застёжку своего левого браслета, чуть прищурился, выдохнул, и его зрение изменилось. Все изменилось. Дом окутался линиями и узорами изменения. Они были везде. Стекали по стенам, струились по крыше, извивались вдоль ступенек и ползли по стволам деревьев. Каждый предмет, каждый камень или растение, которого коснулась рука двери-аса, сохраняет этот след. След изменения. Люди не в силах видеть бесконечную паутину, которая оплетает Империю, а вот февр Квин мог... Следы Мертвомира, вот что это было. Серые, словно пыльные нити, зависшие по углам заброшенного дома. Стивен медленно шагнул на ступеньки дома. Паутина была и здесь. Изменения для долговечности, изменения для защиты. Последних было больше всего – Стит позаботился о безопасности своего жилища.

Правда, все его предосторожности были бесполезны против Верховного фэвра Двериндариума.

Этот Дар порой причинял Стивену истинное мучение. Проклятая паутина Мертвомира, которая опутывала и его, тянулась со всех сторон, сбивала с толка. Она окрашивала мир в пыльный серый цвет, гасила свет солнца и даже яркий летний день превращала в пасмурную тревожную хмарь. И с каждым днем этой мерзкой паутины становилось все больше. Иногда Стивену казалось, что она его душит – опутывает, пеленает, словно младенца, затягивается удавкой на шее. И даже запирающий браслет не всегда справлялся с проклятым Даром.

Но он же делал Стивена столь ценным фэвром. Вместе с картой Двериндариума Дар видеть следы Мертвомира сделал его Верховным.

Февр повел рукой, стряхивая тонкие нити защиты с двери дома. Кожу кольнуло, но и только. Вошел. Хмыкнул одобрительно – красиво. Уютно. Стивен редко бывал в гостях у Стита, хотя практически заменил ему семью. Он прекрасно помнил день, когда Кристиан-Стит впервые приехал на остров. Тогда он был совсем мальчишкой...

Но Стит не любил гостей и со своими печальями предпочитал справляться в одиночку. Даже тогда.

Верховный неторопливо осмотрел гостиную и поднялся на второй этаж. Толкнул ближайшую дверь – как он и думал, это была комната девушки. Об этом говорил и мягкий ковер на полу, и балдахин, и светлое покрывало. Служанка навела порядок, подготовив комнату к возвращению хозяйки, стерла пыль и развесила вещи, но Стивену хватало иных следов. Он обвел комнату внимательным взглядом. Так-так... Паутина изменения вилась вокруг светильника, вокруг стопки книг из Белого архива, занавесью висела на окне – защищала от вторжения. Не то...

А это что?

Над балдахином тоже покачивалась паутинка – тоненькая, почти незаметная.

Квин обошел кровать, пытаясь добраться до хитрого тайника. Пришлось встать коленями на кровать и просунуть руку между изголовьем и тканью. Пальцы нащупали острые грани – флакон? И что-то еще – округлое, шершавое.

Вытащив оба предмета, Стивен подошел к окну, чтобы рассмотреть находки. Небольшой флакон с жидкостью и тубус. Оба предмета оплетает паутина изменения, оба изготовили двери-асы. Верховный начал с флакона. Осторожно откупорил, понюхал. Посмотрел на свет, внимательно разглядел паутину-след. Флакон был изготовлен в этом году, а жидкость совсем

недавно – ее срок не больше двух месяцев. Запах знакомый, февр знал, что это. Жидкость для изменения цвета радужек.

– Как интересно, госпожа Левингстон, – хмыкнул февр Квин безо всякого удивления.

Отложил флакон и поднял тубус. Эта вещь была гораздо старше. И паутина изменения на ней оказалась занятой. Настолько занятой, что февр поднял изумленно брови. И ощутил, как дрогнули пальцы – то ли от страха, то ли от предвкушения. Странное изменение...

Верховный рывком открыл крышечку, вытряхнул свернутый лист. И замер. Сердце оставалось. Он мог бы поклясться, что оно перестало стучать и целую минуту молчало, не в силах сделать живительный удар. И может, от этого так заболело под ребрами. Серый лист, такой хрупкий с виду, был надежно защищен от порчи и разрушения. И это изменение оказалось удивительно красивым, не паутина – серебряная сеть, покрывающая чужой портрет.

Лицо на портрете было повернуто полупрофилем и глаза смотрели вдаль. Словно видели что-то за туманной дымкой бытия, словно знали ответы. Словно совершенно не желали смотреть в лицо Верховного февраля.

Стивен Квин постоял еще, заставляя себя не делать опрометчивых поступков. Медленно свернул рисунок и убрал обратно под надежную защиту тубуса. Вернул футляр и пузырек в тайник на балдахине.

И покинул дом на улице Соколиной Охоты. Его визит, конечно, остался незамеченным.

* * *

Некоторое время я бестолково металась по комнате, не в силах поверить, что опасность миновала. Постояла у окна, бездумно рассматривая внутренний двор и желтые листья опадающего клена. На Двериндариум опускалась ночь, Вестхольд зажигал фонари – один за другим. Желтые пятнышки вспыхивали сначала тусклым светлячком, потом разгорались, расплескивались рыжим светом...

Очнувшись, я вздрогнула и метнулась к двери. Была уверена, что створка запета, и удивилась, когда она легко открылась. Коридор оказался пуст. Я постояла, соображая, в какой части Вестхольда нахожусь, и тихонько двинулась вперед. Но стоило пройти несколько шагов, как из-за угла показалась леди Куартис.

– Иви, что вы здесь делаете? – подняла врачевательница красивые брови. – Что-то случилось? Вам надо отдыхать...

– Мне надо увидеть Кристиана, – упрямо выдала я. – И я его увижу! Что вы скрываете? Что с моим братом? Он умирает? Не врите мне!

Леди тяжело вздохнула и поставила на пол свой саквояж врачевателя.

– Мы лишь хотели оградить вас обоих от волнений, дорогая. Вы не осознаете все полноту перемен, происходящих после слияния с Даром. Ваш организм принял часть иного мира, это меняет его. Любые волнения могут оказаться губительными...

– Я чувствую себя прекрасно!

– Февр Квин так не считает. Но... я понимаю вашу тревогу за брата.

– Позвольте мне его увидеть! – взмолилась я. – Прошу вас!

Леди Куартис качнула головой, сдаваясь.

– Хорошо. Возможно, это пойдет вам обоим на пользу. Тем более, февр Стит постоянно вас зовет.

– Он зовет меня? – дыхание перехватило.

– Да, – мягко улыбнулась леди и вложила мне в руку свой шелковый платок. – Только лучше прикройте волосы, Иви. Стит находится в наведенном сне, между реальностью и грезой. Грань очень тонкая, порой пациенты не осознают, где они. К тому же, лекарства дают побочные эффекты, ваш брат может вести себя не совсем разумно. Или совсем неразумно. Не пугайтесь,

не возражайте и помните, что это лишь его сон. К счастью, пациенты не помнят того, что делают в таких чарах. Идемте. Побудете с ним до утра, в комнате есть вторая койка.

– Я все поняла! – я торопливо повязала на голову платок. – Благодарю вас, леди Куартис!

Врачевательница кивнула, подняла саквояж и поманила за собой. Мы прошли узким коридором и оказались у темной двери.

– Можете дать вашему брату воды, если будет просить. И присмотрите, чтобы он лежал на животе, раны на спине не затянулись.

С замершим сердцем я вошла внутрь вслед за леди Куартис. На кресле в углу читала сиделка, которую леди Куартис отпустила. Врачевательница деловито осмотрела пациента, улыбнулась мне и тоже ушла.

А я осталась.

Кристиан лежал на животе. На нем были лишь серые полотняные штаны, тело опоясывали бинты. Полосы ткани пропитались его кровью. словно безумный художник нарисовал на спине Криса узоры, положил алые мазки и забрызгал багряной краской. Живопись смерти...

Я осторожно присела на край кровати. И вздрогнула, поняв, что глаза Криса открыты. Только взгляд мутный и пустой.

– Воды...

– Конечно! – я торопливо схватила со столика стакан, помогла Крису приподняться и попить. Придержала ему голову. Он пил мелкими глотками, а закончив, попытался откинуться на спину. Пришлось схватить парня за руку, не позволяя.

– Крис, тебе нельзя переворачиваться.

Он скинул мою ладонь, снова дернулся. Зашипев, я положила за его спиной подушку.

– Кристиан! Нельзя! Ложись на живот! Ты меня понимаешь?

Он не понимал. Кажется, он вообще не осознавал, где находится. Его глаза были широко распахнуты, но зрачки сужены в точку, а бирюзовая радужка затянута пеленой. Я сомневалась, что он меня видит.

Крис пошарил рукой по покрывалу.

– Идары... где идары?

– Кристиан, успокойся, – я схватила ладонь парня, прижала к постели, не давая ему дергаться. Осторожно провела ладонью по его щеке, не в силах удержаться от нежности. Было больно смотреть на него такого – раненого, ослабленного, затуманенного наведенным сном и лекарствами. Смотреть и понимать, что это все из-за меня. Эфрим напал из-за меня, в этом я даже не сомневалась. Я помню, как зверь втягивал воздух, как принюхивался ко мне, ощущая чужой запах. Как рычал... Снова накатила горечь, и я сделала глоток воды, пытаюсь избавиться от тревоги.

И снова коснулась щеки Кристиана.

– Крис, ты ранен. Тебе надо просто полежать и дать возможность своему телу исцелиться. Ты меня понимаешь? Посмотри на меня.

Его взгляд – мутный, блуждающий, замер на моем лице.

– Иви?..

– Да, Иви! – обрадовалась я. – Я здесь. Все хорошо, ты меня спас. Спас, понимаешь? Закрыв меня собой. Закрыв собой...

Я захлебнулась словами и эмоциями. Перед глазами снова встала картина боя, и горечь подкатила к горлу. Закрыв собой... Закрыв.

– Останься, – ресницы Криса опустились.

– Конечно, – я нервно подергала прядь волос и, подумав, легла на бок, лицом к февру. – Поспи. Тебе надо поспать.

Но он вдруг снова посмотрел на меня.

– Кошмар... Тебя они тоже мучают, ведь так? Я так устал видеть тебя...

Я нахмурилась, не понимая. Кристиан бредит? Или говорит то, о чем думает? Он устал от меня?

– Видеть в своих снах... Это так мучительно, Иви...

Что?

Я вздрогнула и попыталась встать, но Крис тут же приподнялся, потянулся ко мне, замесался.

– Кристиан, я здесь, здесь, – забормотала я, пытаюсь его успокоить и не дать причинить себе вред. – Я... с тобой.

Его губы исказились в злой усмешке. Крис замер на боку, глядя мне в лицо мутным взглядом.

– Кристиан... Ты знаешь, что я ненавижу это имя?

– Да, я знаю.

Он придвинулся ближе, безотрывно глядя на меня.

Слишком близко. Слишком.

– Я его полюбил. Это проклятое имя. Теперь.

Горло сжало удавкой. Мне не хватало воздуха. Словно весь закончился, сгорел от этих слов.

Словно Крис говорил совсем не об имени...

– Тебе надо поспать, – беспомощно пролепетала я.

– Я не хочу, чтобы ты приходила, – прошептала он. – В мои сны. Не приходи.

– Хорошо...

Он вздрогнул, лицо снова исказилось, как от боли.

– Крис, тебе надо поспать. Ты ранен.

Он придвинулся еще ближе. Его шепот теперь касался моих губ.

– Ошибаешься. Я убит.

– Кристиан...

– Проклятое имя... Ты ведь знаешь, чего я хочу. Не можешь не знать. Не замечать... смеешься надо мной?

– Нет, я...

– Я хуже тварей Мертвомира. Я хуже...

– Это не так...

– Я хочу того, о чем нельзя даже думать... Хочу слишком сильно... Зачем ты здесь, Иви?

Я молчала, понимая, что Крис путает сон и явь, не осознает реальность. Ему снится сон, в котором он говорит со мной. Понимала, но от его слов меня кидало в жар. Он думал обо мне. И я ему снилась... Я и сейчас ему снюсь. В здравом рассудке Крис никогда не сказал бы мне подобных слов.

Он желает меня. И ненавидит себя за это. А я не могу сказать, что ему не в чем себя винить. Его кровь знает, что я чужая. Его нутро это знает, чувствует. Его душа это знает... Только разум не верит. Если бы все было иначе...

Это все лишь сон... один на двоих. И надо бы его оборвать, но нет сил.

И когда Кристиан положил ладонь на мою шею – я не шелохнулась. Он провел кончиками пальцев от ключиц до плеча. Его лицо так близко...

– Ежевика. И что-то еще. Я не знаю названия. Но это словно болезнь... моя болезнь. Я болен. Я хочу этот запах. Снова и... снова. И снова! Я ненавижу ежевику, Иви... я так хочу... хочу...

У него взгляд безумца. Пытаясь остановить это, я кладу руку на его щеку. Остановить океан. Смешно...

Кристиан накрыл мою ладонь своей, передвинул. Прижал к губам.

– Я хочу... всего...

И холодная ладонь, которая обхватывают мой затылок. И горячие сухие губы, накрывающие мои.

Поцелуй...

Нет, иное.

Непозволительное. Запретное. Восхитительное прикосновение.

Он даже не целует. Его губы прижались к моим и замерли. Мы оба застыли, отдавая друг другу воздух и тепло. Мы так близко, что мне страшно. Я словно часть его – дышу его воздухом и держу его сердце. А он – дышит мной. Медленно. Тяжело, хрипло. Наверное, ему больно – от ран, и надо отодвинуться... но стоило попытаться, и Крис вдруг перевернулся одним движением, прижав меня к кровати. Я снова увидела его глаза – лазурь под серым пеплом. Прорывающееся в реальность безумие сна... Кристиан, теряющий контроль над своими желаниями.

Мое имя на его губах. И вдох, который он слизал с моих губ.

– Так мучительно видеть тебя... слышать... чувствовать... ежевика и что-то еще... Это невыносимо, Иви... – его прерывистый шепот сплетается с жаром тел. – Я ненавижу себя за это желание... И я нахожу оправдания. Это отвратительно – находить оправдание. Я – отвратителен... Почему? За столько лет... Из всех... Ты. Только ты.

И снова целует.

Дрожит от слабости и желания. И я знаю, что легко могу вывернуться, могу уйти. Но остаюсь на месте, теряя разум от его шепота, жара, прикосновения. От медленных движений языка и губ. У поцелуя Кристиана вкус лекарства и горькой рябины. Вкус его поражения. И мне нравится этот вкус... Мне нравится он слишком сильно, так, что нет сил уйти. Я знаю, что поступаю неразумно, преступно, ужасно, но остаюсь... Пусть у меня тоже будет этот сон. Всего лишь сон, о котором Крис не вспомнит.

Поднимаю руки, зарываюсь пальцами в его волосы. Мягкие... Удивительный контраст с жесткостью его тела. Он весь состоит из этих контрастов – сталь мышц и шелк языка, сила и слабость... Он снова называет мое имя. Нет, не мое – чужое. И так хочется, чтобы губы Кристиана произнесли «Вивьен». Мне хочется этого так сильно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не попросить... Оказывается, в имени так много. А ведь раньше я не придавала этому никакого значения. Но почему-то сейчас до дрожи хочу, чтобы Кристиан знал, кого целует.

И снова прикосновение – сильнее, жарче.

Мне хочется ощутить его всем телом, но пальцы касаются повязки, и я... прихожу в себя. Что же я творю? Он ранен! Он даже не понимает, что происходит! А я...

Это я отвратительна! Я!

Разорвала поцелуй и увидела горечь в глазах Кристиана.

– Тебе надо поспать, – беспомощно прошептала я. – Прошу тебя.

– Я хочу тебя поцеловать, – четко произнес он. – Я хочу... все остальное.

– Нельзя, – сказала я.

Он закрыл глаза, тяжело втягивая воздух. Губы исказила усмешка.

– Нельзя, – повторил Крис.

Откатился и повернулся ко мне спиной. Я осторожно накинула на Криса покрывало, и он вздрогнул от моего движения.

Я покосилась в сторону второй койки в углу, не зная, как поступить. А потом вспомнила свои кошмары. И то, как Кристиан держал до утра мою руку, чтобы я не боялась. Медленно придвинулась ближе. Не прикоснулась, но так он будет чувствовать мое тепло.

– Уходи, – чуть слышно сказал Крис своему кошмару.

Но я осталась.

Глава 3. Прошлое и настоящее

Открыв глаза, я некоторое время рассматривала лицо Кристиана, лежащего рядом. А потом поняла, что умудрилась уснуть на его кровати, боком. Осторожно отодвинулась и встала. От неудобной позы болела шея, да и жесткий мундир впился пуговицами в кожу. Я покосилась на другую койку, стоящую у стены, но за окном уже занимался рассвет, так что я решила больше не ложиться.

Стянула мундир, оставшись в рубашке с брюками, и отправилась в купальню. После быстрых водных процедур вернулась в комнату, вытирая лицо полотенцем. И замерла на пороге. Кристиан сидел на кровати. И увидев меня, вскинулся.

– Иви? Ты... с тобой все хорошо? Сколько прошло времени? Сколько я здесь провалялся?

– Достаточно, – несколько нервно ответила я, осторожно сдвигаясь в тень. В комнате горел лишь один светильник, да и тот в углу, а я стояла в тени, которая скрывала цвет моих волос. Покосилась с досадой на кресло – там остался платок, который должен быть на моей голове.

– Надо позвать врачей, раз ты пришел в себя... Я быстро!

Сделала шаг к двери, надеясь сбежать, но какой там!

– Стоять, – сказал Кристиан за спиной. – Иви. Посмотри на меня.

Я медленно повернулась, все еще оставаясь в тени. Февр смотрел совершенно ясными и слишком внимательными глазами.

– Подойди, – сказал он.

Я помялась, ругая себя. И зачем осталась после пробуждения? Надо было сразу уходить!

– Иви. Иди сюда.

Ну вот, не успел очнуться – уже командует! В беспамятстве Крис был не так уж и плох!

Сдавшись, я приблизилась и села на край кровати рядом с парнем. Он медленно поднял руку. Подцепил прядь моих волос и задумчиво намотал на палец. Выпустил, скользнул ладонью по моей щеке, повернул лицо к свету. И замер, рассматривая глаза.

– Что произошло?

– Ты ничего не помнишь?

– Я помню нападение и то, как ты тащила меня обратно. Выходит, в Мертвом мире ты что-то взяла. Как тебе удалось?

Я незаметно перевела дыхание.

– Просто повезло... споткнулась о корни дерева, а там – кольцо. Честно говоря, до сих пор не верю, что мы смогли уйти живыми.

– Способности проявились?

– Нет, я ничего нового не ощущаю. – Крис, не моргая, рассматривал меня, и я поежилась, отвернулась. – Может, Мертвомир решил лишь испортить мою внешность, вот и весь его Дар! Не смотри на меня так. Я теперь выгляжу... ужасно.

Он снова повернул к себе мое лицо. В глубине топазовых глаз вспыхнуло ночное безумие.

– Ужасно? Ты ошибаешься. По мне, так гораздо лучше. Только теперь ни одного якоря, Иви. Ни одного, чтобы удержаться, – непонятно и хрипло произнес Крис.

Я моргнула. О чем это он? Может, снова бредит?

Кристиан провел ладонью по моей щеке, опустил взгляд. Из-под манжеты моей рубашки выглядывал черный рисунок. Кристиан расстегнул манжет, закатал рукав, обнажая мое запястье. Медленно провел большим пальцем по следу Мертвомира, и я вздрогнула. Отдернула руку, потому что от этих неспешных движений февра внутри что-то дрожало и дышать становилось все сложнее...

Ночное безумие снова оказалось слишком близко.

Кристиан молчал, и это тоже нервировало.

– Как ты себя чувствуешь? – пробормотала я, чтобы разрушить опасную тишину.

Он поднял голову, посмотрел в глаза.

– Иви...

Хлопнула дверь, впуская сиделку, и я обрадованно вскочила.

– Февр Стит! Вы пришли в себя! – всплеснула руками женщина. – Но вам рано просыпаться, надо позвать Анну, чтобы заплести новый сон...

– Никаких снов, – отрезал Крис. – С меня довольно!

– Но ваши раны...

– Заживут и без наведенной грезы. – Он схватился за изголовье кровати и встал. Пошатнулся.

Я дернулась, чтобы поддержать, но февр обжег взглядом.

– Принесите мою одежду, прошу вас. И сообщите февру Квину, что как только я приведу себя в порядок, буду готов дать отчет о произошедшем. Иви, ты уже говорила с Верховным?

Я кивнула, наблюдая, как Крис, покачиваясь, движется к уборной.

– Я рассказала про нападение, но плохо запомнила подробности. Слишком испугалась. Крис, мне кажется, тебе рано вставать...

Не дослушав, февр захлопнул за собой дверь уборной. Мы с сиделкой переглянулись, и женщина развела руками.

– Мужчины, – проворчала она. – Позову леди Куартис, раз уж так...

Врачевательница явилась как раз тогда, когда Крис закончил омовения и вернулся в комнату. Пока леди осматривала и перевязывала парня, я топталась в углу, размышляя, что делать дальше.

Впрочем, это февр тоже решил за меня, объявив, что мы немедленно возвращаемся домой. Леди попыталась возразить, но быстро сдалась – спорить с Крисом оказалось бесполезно. Поэтому нас просто снабдили мазями с настойками, велели являться на перевязки и отпустили.

Февр Квин был занят, так что визит к Верховному и доклад пришлось отложить.

Умытый, перевязанный Кристиан в серой лечебной рубаше и расстёгнутой куртке выглядел почти привычно, только заострившиеся скулы и тени под глазами напоминали о ранении.

В дом на улице Соколиной Охоты нас довез друг Кристиана – Лаверн. Лицо февраля пересекал грубый шрам, но обаятельная улыбка и добродушие быстро сглаживали первое пугающее впечатление. Он сразу полез к Крису обниматься, потом попытался проделать то же самое и со мной, но Кристиан не позволил. Глянул хмуро, и Лаверн сник. Правда – ненадолго. Рот у парня не закрывался, словно он был не февр вовсе, а уличный балаганщик!

– Ну и шуму вы наделали, Левингстоны! – хмыкнул Лаверн, усаживаясь за руль мехомобиля. Кристиан едва уловимо поморщился, располагаясь рядом со мной. – Весь Двериндариум на уши поставили! Не повезло тебе, красавица, первый вход – и нападение... последний раз твари Мертвомира задрали Карнуса Уита, так это было почти семь лет назад! Что же их приманило к Двери? Обычно не подходят, а тут на тебе! Стит, ты видел свою спину? Здорово зверь тебя разукрасил, на всю жизнь отметил! И волшебные мази леди Куартис не помогут, по себе знаю, – Лаверн хмыкнул и ткнул пальцем в свой шрам. – Хорошо до горла не добрался, эти твари любят клыками в горло вцепиться...

– Лаверн! – оборвал друга Крис, и парень осекся.

– Извините, госпожа Левингстон, забылся! Хотя чего вам теперь бояться, вы с эфримом знакомы-то не понаслышке! То возле Вестхольда встретились, потом в Мертвомире... Не везет вам на эфримов, госпожа Левингстон!

Или наоборот – везет, похолодела я. И заметила внимательный взгляд Кристиана. Впрочем, он вообще всю дорогу смотрел на меня, снова и снова возвращаясь взглядом к моим волосам и лицу. Словно не узнавал.

Холода, ползушего по спине, стало больше.

– Значит, после нас Дверь не открывали? – спросила я, желая отвести от себя слишком пристальное внимание Кристиана.

– Почему же? – удивился Лаверн. – Послали отряд карателей, посмотреть-проверить, да только никого не нашли. Лишь следы крови и вытопанную траву. Может, зверя утащили падальщики да и сожрали, кто этих тварей знает! Запретить выходы в Мертвомир все равно не получится, госпожа Левингстон. Так что дальше открывали по плану. Ученики из вашего набора и открывали, четверо, помимо вас.

– С ними все в порядке? – вскинулась я.

– Все живы, – бодро ответил Лаверн, сворачивая на знакомую улицу. – Подробностей не знаю, но нападений больше не было. Похоже, зверь мертв. Ты все-таки его прирезал, Стит!

Я вздохнула свободнее – все мои знакомые живы и здоровы. Интересно, кому-нибудь из них удалось найти Дар?

– Понять бы еще, как клятый эфрим проникал в наш мир! Кажется, Совет в этом так и не разобрался.

Я удержалась от искушения обернуться, чтобы бросить взгляд на черные стены Вест-хольда. Совет не разобрался, а вот старый Харди Дэфф нашел отгадку. Не зря он нарисовал рисунок, такой же, какой белеет шрамами на моем боку. Может, он нашел это изображение в своих древних трактатах или рукописях с тайными знаниями Черного Архива? И либо я сошла с ума, либо именно этот узор позволял зверю проходить сквозь каменные статуи на стенах. Узор на моем теле притягивал в этот мир эфрима.

Не просто эфрима...

То, о чем я старалась не думать, снова накатило волной и потащило на дно пропасти.

Я мотнула головой, выбрасывая мысли, хотя и понимала, что подумать об этом все равно придется. Подумать, осмыслить, принять. И решить, что мне делать дальше.

Но прежде надо набраться сил.

– Иви? – Кристиан положил ладонь поверх моей. На его запястье блеснул серебряными застежками браслет. – Не бойся.

Я мотнула головой. Жаль, что я не могу объяснить, чего именно боюсь...

Крис отвел мои волосы от лица. Задержал прядь в ладони, словно не желал выпускать. И разжал пальцы недовольно, когда Лаверн притормозил возле нашего дома и объявил: приехали!

Дом встретил нас тишиной, свежестью, запахом полироли и немного – сыростью. За неделю дождей стены успели напитаться влагой.

– Я разведу огонь, – сказал Кристиан, снимая куртку. – Посмотри, есть ли у нас еда. Похоже, я проспал слишком долго и сейчас готов съесть даже старую подошву!

– Тебе от моих сапог или свои будешь жевать? – хмыкнула я, открывая дверцу шкафа.

– Пожалуй, твои должны быть мягче, – отозвался из гостиной февр.

Я рассмеялась.

– Ну тогда мне повезло, ты не оставишь меня без обуви. У нас есть подсохший хлеб, сыр и бутылка молока.

– Настоящий пир, – Кристиан вдруг оказался за моей спиной, совсем близко. Заглянул через плечо в шкаф, ловко вытянул с полки сыр, развернул тонкий пергамент. Откусил кусок и протянул мне.

Я демонстративно подняла брови.

– Господин Левингстон, вы предлагаете мне грызть этот кусок, словно я голодная амбарная мышь?

– Нет? – Кристиан повторил мой трюк с бровями.

Я вздохнула, отобрала у него сыр и впилась в него зубами.

– Сухой и гадкий, – проворчала я, хотя угощение было вполне сносным. Закусила хлебом и снова отдала сыр Крису. Он все еще был слаб, поэтому недолго думая уселся на пол, привалившись спиной к шкафу. Фыркнув, я села рядом. Некоторое время мы молча жевали, передавая друг другу нехитрое угощение. Огонь в камине разгорелся, и от него потянуло теплом.

Выпив молока, Кристиан отставил бутылку и сказал:

– Ты меня спасла, Иви. А ведь это я обещал тебя защищать. Ты невероятно смелая. И самоотверженная. Я... не ожидал.

– Думал, брошу тебя умирать и сбегу?

Он глянул искоса. Да, похоже, именно этого он и ожидал.

– Ты совсем другая, – задумчиво произнес он, и я испугалась.

– Ты ведь отдал мне защиту, – пожалала я плечами, пытаюсь выглядеть беззаботно. – Если бы не отдал мне свой доспех, зверь не смог бы причинить тебе вред. Кстати, не подскажешь, как займешь такой же?

Февр улыбнулся краешком губ и взял мою руку, отодвинул манжету, глядя на метку Мертвомира.

– Мне понадобилось два года, чтобы научиться придавать теням форму. Поначалу я умел лишь притягивать тьму.

Он снова улыбнулся, а я ахнула, потому что темные пятна, лежащие по углам, потянулись к нам и обвили наши ладони. Тень легла на мою руку, словно живая.

– Здорово! – восхитилась я, пытаюсь не думать о том, что Кристиан так и не выпустил мою ладонь. И что прикосновение тени слишком похоже на ласку.

Я сглотнула и сама убрала руку. Кристиан вскинул голову, обжег взглядом.

– А мой Дар – это лишь гадкий цвет волос, – проворчала я, пытаюсь разрядить обстановку.

– Мне всегда нравились темноволосые девочки, – насмешливо произнес февр. – Ты ведь помнишь.

Ну да, помню. Ливентия, например!

– Твой Дар, возможно, еще проявится, – утешил Крис. – Порой на слияние уходит много времени. А иногда выявить новые способности довольно сложно. Мои когти проявились сразу, как только я закрыл Дверь, а вот чтобы распознать умение притягивать и формировать тени понадобилось несколько месяцев. Чтобы узнать, что у меня есть нечеловеческая скорость, надо было побежать. Так что теперь тебя ждут новые испытания, Иви.

– Ну вот, мало мне гадких волос и глаз, теперь еще и испытания, – буркнула я. Но тут же улыбнулась, не сдержавшись. И осторожно коснулась шеи Кристиана. – Это знак скорости, а на спине что? Тени?

Он кивнул.

– Это был обломок подсвечника, который я вынес из Мертвомира.

– А здесь?

Я коснулась места под сердцем.

– Медальон и пустышка, – пожал плечами Крис.

– А где когти?

– На ноге, – хмыкнул февр. – Мертвомир ставит метку в любом месте.

Я коснулась его запястья там, где из-под открытого браслета вился рисунок.

– А это что за Дар?

Крис посмотрел на мои пальцы, втянул воздух.

– Скажу, когда узнаешь, какой Дар получила ты, – чуть хрипло произнес он.

– Сделка? – улыбнулась я.

– Сделка, – он склонился, не отрывая от меня взгляда. – У меня очень необычный Дар, Иви. Тебе понравится.

Подмигнул и наклонился еще, втягивая воздух возле моей шеи. В комнате стало ощутимо темнее, похоже, Крис неосознанно притягивал тени. А у меня перед глазами так явно встало ночное безумие. Шепот, прикосновения... удовольствие. Кровь забурлила в венах, мешать думать.

Тьма накрыла пологом, полностью отсекая дневной свет. И Кристиан тихо вздохнул, придвигаясь ближе.

Хлопнула входная дверь.

И все закончилось.

Я моргнула. Тени снова лежали в своих углах, Кристиан защелкнул застёжки браслета. А в дверях стояла прислужница Силва с корзиной еды и... фебр Квин. Вот последнего мне видеть совсем не хотелось!

Мы поднялись и перешли в гостиную, позволив юной прислужнице наполнять шкафы.

– Госпожа Левингстон, – сухо улыбнулся мне Стивен Квин. И гораздо теплее – Крису. – Стит! Леди Куартис жаловалась, что ты в очередной раз проигнорировал ее наставления! Впрочем, я не удивлен. Как ты себя чувствуешь?

– Почти здоров и готов к работе, – уверил Кристиан, фебр Квин скептически хмыкнул, но спорить не стал.

– Считаю, у тебя незапланированный отпуск, фебр. И никаких возражений! А вот твой отчет я жду с нетерпением. Но прежде кое-что для твоей сестры.

Верховный протянул мне кожаную полоску. Я взяла осторожно, тронула одну единственную серебряную застёжку.

– Как вы уже поняли, это браслет, запирающий Дар. Вы обязаны носить его постоянно, открывать будете только под присмотром наставников. Пока мы не выяснили, чем наградил вас Мертвомир. Позвольте, помогу надеть, Иви-Ардену.

Верховный снова улыбнулся и я, кивнув, протянула ладонь. Кожаная полоса обернулась вокруг запястья, щелкнула застёжка. Но в отличие от браслета Криса, мой Верховный закрыл на крошечный замочек, а ключ убрал.

– Браслет «привыкнет» к вашему Дару, Иви-Ардену, и сможет его сдержать, если он проявится. К сожалению, изменения внешности браслет не меняет. Скажите, вы по-прежнему не ощущаете новых способностей или знаний? – спросил Верховный. Его пальцы на мгновение задержались на моей руке, а взгляд – на рисунке Мертвомира.

– Нет, – покачала я головой. – Видимо, мне не повезло, и никаких умений просто нет.

– Посмотрим, – Фебр Квин отодвинулся и заложил руки за спину. – А сейчас прошу нас оставить, Иви-Ардену, мне надо поговорить с вашим братом.

– Спасибо за браслет, Верховный, – кивнула я. – Пожалуй, я прогуляюсь.

– Оденься теплее, – велел Кристиан.

Я кивнула и поднялась в свою комнату. Закрыв дверь, первым делом бросилась к своим тайникам. Пересчитала деньги, открыла старый тубус – мое единственное сокровище и наследие, которое я взяла с собой в Двериндариум. Вернула тубус на складку балдахина и вытащила пузырек с изменяющей цвет жидкостью. Подумав, сунула его в карман. Кажется, мне он больше не нужен, и от такой улики лучше избавиться.

Осмотрелась. Книги, которые я хранила под кроватью, перекочевали на полку. Видимо, Силва решила, что там им будет лучше. Я не могла не согласиться с прислужницей и лишь вздохнула, размышляя, что подумала девушка о сумасбродной хозяйке.

Скинув мундир, я натянула свитер и теплую накидку, подбитую рыжим мехом.

Когда покидала дом, Кристиан и Верховный тихо разговаривали в гостиной.

Стоило выйти, ветер швырнул в лицо горсть колючего дождя вперемешку со снегом. Но я ему лишь обрадовалась, соскучившись по свежему воздуху и движению. Ноги сами понесли меня в сторону Взморья. Миновав ярко освещенную кофейню, я свернула на узкую дорожку. Шла и шла, пока брусчатка не закончилась, а сапоги не увязли во влажном песке прибрежной полосы. Я дошла до самого моря, у его края уже лежала наледь. Пузырек швырнула в волну, размахнувшись посильнее. Потом присела, зачерпнула студёной воды, плеснула в лицо. И тут меня затрясло. С такой силой, что я упала на колени, прямо на влажный песок.

Не от холода.

От того, что я наконец впустила в себя осознание.

Рыжий взгляд, оскаленная пасть...

Клыки и когти.

Мертвомир.

Заклинание-считалочка...

И хриплое: Вивьен.

Я коротко всхлипнула, закрыла лицо руками.

Этого не может быть.

Это есть.

Я не ошиблась.

... В ту ночь он был пьян и пах темнотой, смешанной с дешевым вином. Я уснула, но Ржавчина разбудил, закрыл мне рот ладонью и велел идти за ним. Мы выбрались из общей спальни, привычно юркнули в закуток под лестницей. Там стояли ведра и тюки с соломой, которой набивали тюфяки. На двери каморки висел замок, да только Ржавчина давно подобрал к нему ключ. Порой мне казалось, что ключи он подобрал ко всем помещениям приюта, даже к кабинету старшего наставника.

– Что случилось? – прошептала я, располагаясь на пахнувшем пылью мешке. Хотелось спать, но на днях моему другу исполнилось семнадцать, и он был сам не свой. Ходил напряженный и хмурый, погруженный в себя. Злился. И кажется – боялся, что настолько не вязалось с бесшабашным Ржавчиной, что пугало и меня.

Молчал. А теперь вот разбудил посреди ночи – взбудораженный, нервный, какой-то возбужденный.

– Ты знаешь о Двериндариуме, мелкая? – сипло прошептал Ржавчина мне в ухо.

– Кто о нем не знает? Это место, где раздают волшебные Дары!

– Раздают... Дары! – парень недобро рассмеялся.

Я слегка дрожала от холода в неотапливаемой каморке, и он придвинулся ближе, обнял. Я вздохнула, окунаясь в привычное тепло его тела. Губы Ржавчины скользнули по моей щеке к уху, и я поморщилась – мне не нравилось, когда от него пахло вином.

– Все вранье, мелкая... Ты ничего не знаешь. А я знаю. Только что мне теперь делать, что же делать... я должен... должен! Мне придется уехать, уехать... Змеево логово! Клятый Двериндариум! Ловушка... Какая же все это ловушка. Нет... капкан! Капкан на зверя, – он недобро рассмеялся. – Но я должен, должен... Не бойся, мелкая. Ты слышишь? Понимаешь меня?

Я кивнула, хотя ничего не понимала. Язык парня заплетался, и он нес какую-то околесицу. Проклинал Двериндариум, шептал, что не хочет уезжать. Сжимал меня в объятиях. А потом вдруг начал целовать. У нас уже были поцелуи, но совсем легкие, дружеские. А теперь все изменилось. Он целовал по-настоящему, по-взрослому. И сжимал крепко, покрывая короткими поцелуями мое лицо и шею, дергая волосы. Снова прижался к губам, не давая мне вздохнуть, делая больно и не понимая этого... Я вырвалась, оттолкнула, стукнула напившегося идиота по рыжей башке.

– Совсем сбрендил? – прошипела сердито. – Ты мне губу прокусил! Я не кусок пирога, чтобы меня жевать!

– Вив... – прошептал он, пытаясь снова притянуть меня к себе. Его глаза блестели в тусклом свете луны. – Моя Вив...

Хотел сказать что-то еще, но тут я чихнула от пыли, набившейся в нос. Зажала себе рот руками, пытаясь сдержать громкие чихи и успокоиться.

Ржавчина отстранился, закрыл лицо руками.

– Да что случилось? – не выдержала я.

– Я вернусь за тобой, – он убрал руки от лица и выпрямился. Сквозь грязное окно лился бледный свет луны, вычерчивая контур лица и тела Ржавчины. – Вернусь. Ты должна мне верить.

– Я верю.

– И должна ждать.

– Хорошо.

– Скажи, что любишь меня.

– Очень люблю, – совершенно искренне прошептала я.

Но парень скривился недовольно.

– Не так.

Потер лоб, словно пытаясь сбросить хмельной туман. Поднялся.

– Времени нет, мне пора... Я тебя найду, мелкая.

И вышел. Я несколько ошарашенно посмотрела на дверь каморки, так ничего и не поняв. Снова чихнула. И отправилась досыпать.

Тогда я еще не знала, что утром моего друга в приюте уже не будет... Наставники скажут, что Дэйв Норман распределен для отработки еще накануне, а куда – мне знать не положено.

... реальность вернулась холодными брызгами Взморья и визгливыми криками чаек, носящимися над серой водой. Я стояла на коленях, подол плаща намок, как и брюки. Меня все еще трясло, а лицо было мокрым – от моря и слез.

Там, за Дверью, я встретила своего друга.

Эфрим приходил за мной, потому что именно я его притягивала. Я и мой рисунок, который он же и оставил.

Ржавчина – эфрим.

Почему? Что случилось и как это вообще возможно? Как он оказался в Мертвом мире, почему стал чудовищем? Я не понимала. Моя голова раскалывалась от этого непонимания и ужаса. Я искала Ржавчину четыре года, искала и ждала. А он все это время был там, за Дверью? Но как?

Раньше я считала, что все, сказанное той ночью, было лишь несвязным хмельным бормотанием, но неужели Ржавчина знал, что окажется в Двериндариуме? Приютский мальчишка и Остров Двери? Как?

Я ничего не понимала!

Сжала виски ладонями, пытаясь сдержать бурю эмоций.

Пережитое тащило меня в бездну паники, и я скрипела зубами, пытаясь из нее выбраться.

И самый страшный вопрос.

Жив ли еще Ржавчина?

Я сказала Верховному, что эфрим убит, но надеялась, что он жив. Чудовище, которое едва не прикончило Кристиана. Я не знала, как к этому относиться. Любовь, ненависть, страх и непонимание смешались внутри и сплелись в единый тугой узел.

Отодвинула рукав и посмотрела на браслет. Под ним мое запястье обвивала черная лента. Подарок эфрима. Подарок Ржавчины...

Мне хотелось плакать.

– Что с нами случилось? – прошептала я. – Ты стал чудовищем, а я надела чужую маску. Разве об этом мы мечтали, мой друг? Мы хотели дом на холме, и сад. И еще собаку. Ты стал бы топить по утрам очаг, а я научилась бы готовить... Почему все пошло наперекосяк, Ржавчина? Я по тебе скучаю...

Бок вспыхнул, словно в меня воткнули раскаленную кочергу, и я вскрикнула.

Узор из шрамов пекло. А это значит... значит...

– Жив! – закричала я.

Чайки, подобравшиеся к самому берегу, разлетелись с недовольными воплями.

Я перевела дыхание, успокаиваясь.

Если мой шрам горит, значит, Ржавчина все еще жив. И возможно, пытается снова пробраться в этот мир. Между нами существует связь, ее природу я не понимаю, но связь реальна. И возможно, я смогу найти своего друга, если прислушаюсь к ней? Я должна его найти – для начала. А потом решу, что делать дальше.

Только если Ржавчина снова попытается проникнуть сквозь каменного эфрима на стене Вестхольда, дело может закончиться плачевно. Верховный ввел особое положение, теперь весь Двериндариум словно большой капкан.

Что же делать?

Шрам снова заныл, но уже не так больно. Я прижала ладонь к боку.

– Не смей лезть на стену Вестхольда, – приказала я, словно Ржавчина мог меня услышать. Я понимала, что это вряд ли, но отчаянно желала передать послание. И потому собрала всю свою волю, нарисовала в голове образ друга и сказала: – Не смей! Это слишком опасно. Надо найти иной путь. Мы встретимся. Мы встретимся, Ржавчина! Верь мне.

Шрамы отозвались легким жжением. И я решила, что это можно считать за ответ.

Умывшись ледяной водой Взморья и окончательно продрогнув, я наконец успокоилась.

Растерянность сменилась жаждой деятельности и решительностью.

Я жива, я побывала в Мертвом мире и даже вернула свою внешность. Я все еще Ардена и дома ждет Крис.

Подобрав палку, я разровняла влажный песок и вывела:

«Ржавчина». Найти, разобраться, вернуть!

«Кристиан».

Имя осталось без действий. А потом я и вовсе покраснела и стерла имя рукой. И написала снова.

Внутри стало тепло и даже жарко. Но если думать о Ржавчине я могла, и даже принять то, что он эфрим – могла, то размышлять о том, что происходит между мной и молодым февром, было выше моих сил!

– Попала ты, Вив, – пробормотала я. – Ох, попала!

Дописала рядом с именем Криса: прекратить... все! Опасность!

Посмотрела скептически, стерла свои глупые записи и поднялась. Страхнула с колен песок и повернула в сторону дома. Пора возвращаться.

Глава 4. Черное пламя

– И все же я недоволен твоим своеволием, – сказал Верховный, выслушав мой подробный отчет о походе в Мертвомир. Осуждающе покачал головой. – Тебе стоило остаться в лечебнице, Стит.

Я отмахнулся и сел в кресло, пытаясь не морщиться от боли. Возвращаться на койку врачей я точно не собираюсь, а вот пару пузырьков с обезболивающей настойкой стоит принять. Но точно не при Верховном.

– Упрямый, как и все Левингстоны, – сокрушенно пробормотал Стивен, усаживаясь напротив. Силва шустро разлила по чашкам чай, поставила корзину со свежей выпечкой, сообщила, что рада видеть меня живым, и удалилась готовить обед.

– Твоя сестра, кстати, отлично держится, – сообщил Верховный. – И довольно быстро взяла себя в руки. Она так плакала, когда очнулась, что я думал, это надолго.

– Иви плакала?

– Да. Женщины слишком много внимания уделяют своей внешности. Хотя на мой вкус, такой цвет волос и глаз идет твоей сестре гораздо больше. Удивительно, но теперь вы с ней действительно похожи.

Стивен сухо рассмеялся, я промолчал.

В моей чашке плавали, раскрываясь, чайники, и я внимательно следил за их движением. И блокировал мысли об Иви. Насколько я знаю, Стивен не обладает даром ментального воздействия, но ему присуще отменное звериное чутье.

А я не хотел, чтобы он узнал то, что я скрываю даже от себя.

Совершенно не хотел.

– Рад, что вы нашли общий язык, – продолжил между тем мой гость. – Признаться, мне казалось, что у вас ничего не выйдет. Твоя неприязнь к сестре была такой... м-м... горячей. Я даже думал, что ты ее ненавидишь.

– Это не так.

– Но было весьма похоже, – хмыкнул февр. – Тем более отрадно увидеть вас мирно беседующими.

– Иви меня спасла.

– Да. Неожиданная сила и самоотверженность. Я благодарен не меньше тебя, Стит! Но ты ведь понимаешь, что несешь ответственность за эту девушку? Целиком и полностью? Все ее поступки отразятся на тебе, Стит. За все ее решения и действия отвечаешь ты. Ты ее куратор и наставник.

– Вы чего-то опасаетесь? – вскинулся я.

Верховный развел руками.

– Возможно, тебе есть что добавить об Иви-Ардене, Стит. Ты ведь знаешь, что можешь доверить мне любую проблему. Сомнения. Вопросы... Если они есть.

– Не понимаю, о чем вы, – отчеканил я, не мигая глядя на февра.

Тот демонстративно вздохнул.

– Не надо злиться, я всего лишь уточнил и предложил помощь. Однако... вижу, что сестра стала тебе дорога. Удивительно...

Верховный задумчиво повертел в руках чашку, отставил, так и не сделав глоток, и встал.

– Пожалуй, мне пора. Утром жду вас обоих на доклад в Совете. После у твоей сестры начнутся занятия по выявлению Дара, сообщи ей. И Стит... береги себя.

Я кивнул, проводил февра до двери и вернулся в гостиную. Выпил обезболивающее и снова вышел на порог, размышляя, где носит Иви. Над островом бушевала привычная непогода.

Мехомобиль Верховного февра уже скрылся за поворотом, а я все размышлял о его словах. Да, у меня были сомнения. И вопросы. Но я оставлю их при себе.

И снова нахлынуло... Ощущения, эмоции. Проклятая ежевика, ставшая такой желанной. И новая, незнакомая мне нота, к которой я, кажется, тоже успел пристраститься. То, что я пока не мог распознать, этот запах был слишком сложным и незнакомым. Свежий, немного сладкий и слегка горький – все одновременно. Я пытался найти ему название, пытался ощутить его глубже, вдохнуть полной грудью. Напиться им, насытиться.

И не мог.

Легкая нота этого аромата терялась за горечью страха, сомнений и фальши. Их я тоже чувствовал рядом с Иви. И это ужасно злило.

Ложь... я ненавижу ее.

Я задумчиво облокотился о перила, глядя в сторону Взморья. Зевнул. В клятвое обезболивающее наверняка добавили лошадиную дозу снотворного – леди Куартис всегда добивается своего.

Иви что-то скрывает. Она соврала о Змеевой траве. И врет о кольце, которое нашла в корнях дерева. Не было там никакого кольца. Так где она его взяла? Где можно найти украшение в краткое мгновение моей отключки? Почему ее пугает правда? И что случилось с эфримом, я ведь помню его тень, ползущую следом. Чем на самом деле закончился наш поход? Но стоит напомнить о Мертвом мире – и страх Иви просто оглушает и причиняет мне боль. Я ее понимаю, подобное может подкосить и взрослого мужчину, не то что юную девушку.

Пугать ее еще больше я не хочу. Причинять боль – тем более. Но разобраться в страхах и тайнах Иви – обязан.

И я это непременно сделаю. Для ее же блага.

– Не ври мне, Иви, – сказал я, глядя на полосу Взморья, виднеющегося между домами. – Только не ври мне, и мы решим все проблемы.

Усмехнулся, подставляя лицо холодному дождю.

Свои чувства и желания я больше не отрицал.

* * *

Над островом ползли тяжелые низкие тучи, порой просыпая на Двериндариум колкую снежную крошку и дождь. Над черными шпилями Вестхольда ветер рвал флаги с сияющим золотым кругом. Но, несмотря на непогоду, прогулка доставила мне удовольствие. Ужас отступил, и я была полна решимости и желания действовать.

Стоило свернуть на свою улицу, и я заметила знакомую троицу. Ребята кутались в меховые плащи, надетые поверх формы Двериндариума, и озирались. Мелания, Итан и чуть в стороне – Ливентия. Завидев меня, друзья вытаращились изумленно, их лица выражали такую дику смесь из недоверия и любопытства, что я рассмеялась.

– Это не она...

– Это она! Я ведь сказала, это – Иви! – завопила Мелания, толкая локтем Итана.

Парень хлопал глазами, глядя с изумлением и – кажется – страхом. Сходное чувство светилось и на лице южанки.

– Иви! Твои волосы! Что стало с твоими прекрасными волосами? – не сдержалась Ливентия. – О Плодовитая Мать! А глаза?

– Они изменили цвет, – пожала я плечами.

– Что еще сделала с тобой эта ужасная Дверь! – заломила руки южанка. – У тебя вырос хвост? Твоя кожа покрылась наростами? Какой кошмар! Нет, я отказываюсь жертвовать своей красотой! Слышите! Отказываюсь!

– Зайдешь за Дверь и постоишь рядом полчаса, делов-то, – буркнул Итан. – Если нет Дара, то нет и изменения.

– Благодарю, сама догадалась, умник! – огрызнулась Ливентия.

– А мне нравится! – заявила доброжелательная Мелания. – По-моему, Иви стала еще красивее! Тебе очень идет такой цвет глаз и волос, ты какая-то... настоящая!

Я улыбнулась, глядя на добрую девушку. Знала бы она, насколько права!

– Мы за тебя переживали!

Итан подтверждающе кивнул, Ливентия, по своему обыкновению, высокомерно фыркнула.

– Расскажешь подробности? Какая она – Дверь? И что за ней?

– Не могу, – с сожалением произнесла я. – Вы сами все узнаете, потерпите.

Друзья переглянулись, но настаивать не стали.

– Мы знаем, что случилось с тобой и твоим братом, – сказала Мелания.

– И что же?

– За Дверью на вас напал эфрим. Вы оба едва не погибли, – понизив голос, произнес Итан. Мелания округлила глаза, и даже южанка придвинулась ближе, блестя чайными глазами.

Я хмыкнула – вот вам и страшная тайна! Как, интересно, мои друзья обо всем пронюхали?

– На острове немало адептов святой Ингрид, – мило улыбнулась Мелания. – Прислуга, младшие врачевательницы, кухарки и ремонтники. Они многое слышат и видят, Иви.

Теперь глаза округлила я. Вот вам и наивная послушница! С сетью доносчиков и информаторов! А может и... подельников? На миг мелькнуло сомнение и воспоминание о банте и букете распутницы. А ведь я сразу исключила Меланию из списка подозреваемых, решив, что ей это не по силам. Но оказалось, я ошибалась.

Нет, Мелания не могла! Только не она!

Нахмурившись, я отбросила неприятные мысли.

– Мы каждый день приходили к лечебнице, надеясь, что нас проводят к тебе и февру Ститу. Но увы! А сегодня нам сообщили, что вас отпустили! Как ты себя чувствуешь? Как твой брат? Выходит, тебе удалось найти Дар?

Я кивнула, не видя смысла скрывать очевидное.

– Все хорошо, мы оба живы. И пока у меня лишь одно изменение, то, которое вы сами увидели – я сменила масть. В остальном осталась прежней, никакого хвоста, Ливентия!

– А я посмотрел бы на девушку с хвостом, – задумчиво протянул Итан, Мелания покраснела и возмущенно ткнула его в бок.

И тут же кинулась меня обнимать.

– Я так за тебя рада, Иви! Что ты жива, и твой брат – тоже! Мы волновались! Вот только...

– Что?

Друзья переглянулись. Вернее, это сделали Итан и Мелания, Ливентия рассматривала свои руки в замшевых перчатках, поверх которых сияли кольца с изумрудными стрекозами.

– Да говорите уже! – не выдержала я.

– Эти простофили боятся тебя волновать, – отчеканила южанка, оторвавшись от созерцания украшений. – Ринг так и не очнулся. Он вышел из Мертвомира и провалился в забвение. Леди Куартис не знает, как его пробудить.

Я похолодела. Значит, вот о каком пациенте волновалась целительница!

– Мы не знаем, что делать, Иви! – жалобным шепотом оповестила послушница.

– А что мы можем сделать? – осторожно начала я.

Мелания снова переглянулась с Итаном и с жаром выдохнула:

– Надо что-то сделать! Мы должны ему помочь!

Ливентия презрительно скривилась и снова сосредоточилась на своих сверкающих кольцах, явно давая понять, что уж она-то точно ничего делать не собирается.

– Вообще-то я рассчитывала на беседу в тепле, Иви, – слегка обиженно сказала она, с намеком поглядывая на окна моего дома. – Хотела лично поздравить тебя и... февра Стита с благополучным возвращением из Мертвомира.

Я помрачнела. Что ж, теперь понятно, как Ливентия оказалась в этой компании. Не ради меня, ради Кристиана!

– А у меня есть чем согреться, – заговорщически произнес Итан, вытащил из-под плаща фляжку, отвинтил и сделал глоток.

Южанка изумленно всплеснула руками, Мелания снова покраснела.

– Ты притащил хмель и думаешь, мы будем с тобой пить? Да ты сбрендил, Итан, – отрезала Ливентия.

– А я не откажусь, – произнесла я скорее для того, чтобы поддержать сконфуженного парня. Хотя и согреться не мешало бы, за время прогулки я изрядно продрогла. И пока южанка и послушница тарачились, не веря, я выхватила из рук Итана фляжку и сделала большой глоток.

Во рту взорвался огненный смерч и понесся, гудя, по венам. Я закашляла, из глаз хлынули слезы.

– Что это? – отдышавшись, с трудом произнесла я.

– Косорыловка, – усмехнулся Итан.

– Говорящее название, – откашлялась я. И с удивлением понял, что мне стало гораздо теплее, легче и как-то радостнее. Свинцовые тучи показались довольно красивыми, ветер больше не колот щеки, а серый день заиграл красками.

– Вот это да! Отличная штука! – воскликнула я. – Мелания, ты должна это попробовать!

– Да? – засомневалась послушница. Мы с Итаном истово закивали.

Мелания вздохнула, осенила себя святым знаком и смело глотнула из фляжки. Откашлялась, вытерла слезы и широко распахнула глаза.

– Кажется, еще немного – и я воочию увижу святую Ингрид! Волшебный напиток!

– Идиоты, – прошипела Ливентия, кутаясь в белый мех своего плаща. – Даже не надейтесь, что я попробую эту гадость.

– Я думаю, нам надо спасти Ринга, – заявил Итан и икнул. – Он наш друг. Мы должны его... вернуть!

– Точно! – загорелась Мелания. – Идем! Я знаю, как незаметно попасть в лечебницу.

– Я возвращаюсь домой, – буркнула Ливентия, но почему-то пошла вслед за нами.

По дороге мы еще пару раз приложились к заветной фляжке, с каждым разом убеждаясь, что идея спасти Ринга – просто восхитительная. Ливентия плелась за нами, ноя, что мы совершенно утратили здравый смысл, разум и репутацию. И если на двух идиотов – Итана и Меланию – ей в целом наплевать, то от меня южанка не ожидала подобной глупости. Видимо, Мертвомир все же пагубно повлиял на мой разум!

Я отмахнулась от ее причитаний, велев вести себя тише. Мы как раз прошли узким коридором, миновали несколько рабочих помещений, поднялись по шатающейся лестнице и оказались на знакомом мне врачебном крыле. Густой аромат мазей, притирок и настоек уверил, что мы на верном пути.

Мелания вдруг встала посреди коридора и ахнула.

– Ой! Я не спросила, в какой палате находится Ринг!

Я схватила ее за рукав и потащила за собой:

– В двенадцатой. Шевелитесь!

Озираясь, мы пробежали по коридору и толкнули дверь с нужным номером. Нам повезло – сиделки внутри не оказалось.

Обстановка комнаты была аскетической – узкая кровать, пустой стол, стул, шкаф со стеклянными дверцами, на полках которого блестели пузырьки, склянки и белели бинты.

Ринг лежал совершенно неподвижно, с закрытыми глазами.

Его мощная грудь была наполовину прикрыта простыней и почти не вздымалась, словно парень даже не дышал. Загорелое раньше лицо казалось восково-бледным в свете единственной лампы на столе. Черные волосы кляксой выделялись на фоне серой подушки.

Мы застыли, пораженные. Ринг казался мраморной статуей самому себе. Ни жизни, ни движения, ни дыхания.

– Что нам теперь делать? – прошептала Мелания.

– Расходиться по домам, – мрачно буркнула Ливентия, которая почему-то все еще была с нами. – Я говорила, это дурная затея...

Веки Ринга дрогнули.

Мы замерли, напряжённо всматриваясь в неподвижное тело.

– Вы это видели? – прошептал Итан. – Кажется, он пошевелился?

– Может, показалось, – тихо отозвалась я.

– Я тоже что-то заметила, – сказала послушница.

Ливентия презрительно закатила глаза.

– Это галлюцинации после вашей косорыловки. Я ничего не видела...

Ресницы Ринга снова дрогнули, и парень явственно пошевелился.

– Ливентия, – глухо произнесла Мелания. – Скажи еще что-нибудь. Кажется, он реагирует на твой голос.

– Ну он точно приятнее, чем ваши, – самодовольно произнесла южанка, поправляя бабочку на рукаве. – Только не надейтесь, что я стану рассказывать сказки этому мужлану. И мне наплевать, что он валяется тут, словно надгробный камень! В таком виде я хотя бы не слышу это мерзкое прозвище «конфетка», так что даже к лучшему...

Белая меховая оторочка на манжете Ливентии зашипела и вдруг вспыхнула. Жутким черным пламенем! И тут же загорелся весь плащ!

Красавица завизжала, Итан шарахнулся в сторону, а мы с Меланией бросились сдирать с девушки пылающую ткань. Потустороннее пламя трещало и расплёскивало неестественные голубые искры. Плащ удалось сорвать и отбросить, но тут же вспыхнул стол, стул, шкаф! Вся комната запылала черным пламенем без запаха и копоти, столб огня поднялся над кроватью Ринга, и сверху посыпались куски потолочных балок. Итан что-то орал, Мелания скулила, Ливентия визжала. Я пыталась сообразить, в какой стороне дверь, потому что вокруг было лишь черное пламя. Это было так страшно и как-то нереально...

– Хватит! Хватит! – орала Ливентия. – Ты нас убьёшь, проклятый ты каторжник!

Пламя взревело, словно живое...

Что-то грохнуло, и в комнату хлынул свежий воздух и февры. Я увидела черные мундиры и злые глаза Верховного. Он шагнул прямо в пламя и защелкнул браслет на запястье Ринга.

И тут же все исчезло.

Черный огонь погас.

А Ринг сделал глубокий вздох и открыл глаза. Такие же беспросветно темные – без белков. Мелания и Итан сидели на полу, я тоже – но в другой стороне. Ливентия трясла опалёнными волосами – часть ее прядей заметно укоротилась. И заметив это, красавица начала подниматься. Сжимая кулаки и явно намереваясь отправить Ринга обратно в небытие.

Но ее пыл охладил февр Квин.

– Недопустимое своеволие и глупость, – сквозь зубы процедил он. – Вы едва не погубили его и себя! Во время слияния нельзя надевать браслет, пока легионер не очнулся, это может помешать принятию Дара! А ваше вмешательство могло привести к разрушению всего крыла и безумию парня! – он кивнул одному из мрачных февров и указал на нас. – За решетку. Всех!

– Я Левентия-Каприс Осхар! – взвилась южанка. – Я не позволю...

– На нижний этаж, – добавил Верховный, и февры переглянулись. Стало ясно – что бы ни ждало нас на нижнем этаже, нам это точно не понравится!

– Уберите их с моих глаз! – рявкнул Квин. Глянул на меня недобро и отвернулся к Рингу.

Рядом встал незнакомый светловолосый февр. Его глаза казались сизым граненым хрусталем.

– За мной. Живо, – приказал он.

– Я не пойду... – начало было Ливентия. Светловолосый коснулся ее щеки кончиком пальцев, и на лице красавицы выросла хрустальная маска, запечатывая рот. Еще одно прикосновение к рукам – и запястья сковали граненые полупрозрачные кандалы. Но что-то мне подсказывало, что их хрупкость весьма обманчива.

Глаза Ливентии повлажнели от страха и злости.

– Будете сопротивляться, закую вас целиком, – отчеканил февр.

Мы дружно замотали головами. Я взяла Ливентию под локоть.

– Идем. Не надо сопротивляться, прошу тебя.

Южанка явно силилась что-то сказать, но хрусталь прочно запечатал ей рот. Я потащила ее за собой, Итан и Мелания понуро плелись следом. Позади встал еще один февр. На пороге я обернулась и увидела, что Ринг сел на кровати.

Что ж, мы можем собой гордиться. Парень все-таки покинул забвение!

Правда, на этом радостные новости закончились.

Спускались мы долго. Сначала пешком, минуя любопытствующих февров, целителей и работников, потом на жутко скрипучей и трясущейся платформе, которая будто направлялась напрямик в логово Двуликого Змея!

И чем ниже опускались, тем мрачнее и холоднее становилось. Февр, стоящий позади, зажег взятый с собой факел. Древние стены Вестхольда предстали в своем первозданном виде – без изящных панно, деревянных панелей и парчовых драпировок. Огромные черные камни, давящие и угнетающие сознание. Мелания перестала всхлипывать и начала шепотом молиться. Ей никто не мешал. Февры вообще казались немymi статуями, а наша потрепанная компания явно решила, что заступничество хоть одной святой нам сейчас не помешает.

Платформа остановилась, и хрустальноглазый указал рукой в перчатке на темную решётку. Сопротивляться было бессмысленно, так что мы вошли внутрь. Решётка захлопнулась.

– Вы что же, оставите нас в темноте? – воскликнула я. – Мы просто хотели помочь нашему другу! И помогли, заметьте!

– Возможно, вы его погубили, – отозвался февр. Но, подумав, воткнул факел в кольцо на стене.

Платформа снова поехала вверх, увозя карателей и оставляя нас в пропасти. Хрустальные кандалы и маска раскололись, стоило их создателю скрыться с глаз.

Ливентия потеряла руки и в сердцах ударила ногой по решетке. И взвыла, ушибив ступню.

– Я все расскажу отцу! Да он вас! Вас всех! Слышите? Мой отец – советник императора! Вам всем конец!

– Они в своем праве, – тихо произнесла Мелания. – И что-то мне подсказывает, твой отец не имеет власти в Двериндариуме, Ливентия. Так что не трать силы.

– И зачем только я пошла с вами, недоумками! Ведь знала, что добром все это не кончится!

– Надеюсь, мы не навредили Рингу, – прошептала послушница.

– Он нас чуть не спалил! Клятый выродок!

– Хватит! – рявкнула я, и все замолчали.

Некоторое время было слышно лишь пыхтение.

– Как думаете, здесь есть крысы? – поежилась Ливентия. – Терпеть их не могу... Итан, у тебя осталась косорыловка?

Парень с готовностью протянул фляжку. В молчании мы сделали по глотку. Все. Даже скривившаяся южанка.

– Здесь холодно, – огрызнулась она на наши красноречивые взгляды. – А мой плащ спалил этот недоу... ладно-ладно, молчу. Хотя зачем? Недоумок и есть!

– Ты невыносима, – простонала Мелания, отходя от нас. Задрала голову и ахнула: – Вы только посмотрите на это! Невероятно!

– Адептам святой Ингрид больше не наливать, – буркнула Ливентия.

– Нет, правда. Оглянитесь!

Мы задрали головы. И отшатнулись. Решетка отделяла нас от выхода и ниши, по которой двигалась платформа. Но внутри наша тюрьма оказалась довольно просторной. Ее стены терялись в темноте. Грубо говоря, это было подземелье, очень древнее и довольно мрачное. Земляной утоптаный пол, камни, плесень. Я шагнула ближе к стене. И рваный свет факела выхватил рисунок.

– Что это такое? – изумилась Ливентия, подходя ближе.

Я тоже отступила из круга света во мрак, чтобы лучше видеть. И замерла, пораженная.

Глава 5. Подземелье

На черных влажных стенах подземелья были рисунки. Поначалу глаза не могли разобрать тонкие черточки, но присмотревшись, я поняла, что хаотичные линии складываются в огромное полотно цельного сюжета. Выпуклого, почти осязаемого! Прямо перед собой я видела гротескное и ломаное изображение людей. В их руках были копья, позади сплетались в жутком танце змеи. За спинами людей развевались плащи, а на месте их ртов были жуткие зигзаги, словно им толстой грубой ниткой зашили губы.

Их было великое множество – целая армия, наступающая на раскинувшуюся у их ног долину с невысокими домиками.

– Безмолвные люди, – негромко произнес Итан. Парень стоял к нам спиной, ближе всех к стене.

– Почему они так называются? – спросила Мелания. – В летописях о них слишком мало сведений...

Ответила, к моему удивлению, Ливентия.

– Безмолвные люди пришли из Красной Пустыни. Она начинается за границей Гранданы – моего дома. Грандана – прекрасный плодородный оазис, с висячими садами и белыми горными террасами, на которых вьют свои гнезда серебристые ласточки. За террасами лежит озеро – одно из красивейших в Империи, а за ним – Арка Стойкости, сложенная из костей, камня и железа. В ясный день сквозь нее видны красные пески пустыни. Тысячу лет назад Гранданы не было. И террас не было, и ласточек, и арки. Только пески. В них жили те, кого мы называем – Сухие. Кочевники, проводившие свою жизнь за поиском еды и воды. У них были дома на колесах, огромные одногорбые верблюды, ручные пустынные змеи и хищные голодные кошки. Однажды Сухие поняли, что пустыня не может их прокормить. И тогда они пересекли Красные Пески, чтобы найти новые земли. Они их нашли. Горные склоны и долины, которые были заселены местными жителями. Те едва не сошли с ума от ужаса, увидев бесконечные караваны. Трава стала живой от змей, а воздух наполнился рычанием пустынных кошек. Но ужасней всего были сами Сухие. Тощие, но сильные, лысые и бронзовокожие, одетые лишь в тряпки-плащи. Кочевники-воины закрывали нижнюю часть своего лица платком, на котором вышивали красные зигзаги – знак воинственности и силы. Так они защищались от песков, так понимали друг друга.

Они мало говорили. Но умели убивать.

Из-за этих платков жители долины называли Сухих – Безмолвные Люди. Правда, тогда они еще не знали, что гости из пустыни истребят или поработят все население долины. Через десяток лет кочевники завоевали несколько долин и основали свое царство. Так начиналась история нашей Империи. Это было очень давно, еще до открытия Двери.

– Ух ты, – с уважением глядя на южанку, протянула Мелания. – Откуда ты все это знаешь? Ливентия смерила ее презрительным взглядом.

– Я наследница старшего рода. Я получила прекрасное образование. К тому же... Грандана будет помнить историю Красных Песков, даже если остальная Империя ее забудет.

Впечатлившись рассказом, мы отошли от сцены, изображающей завоевания Безмолвных людей, и двинулись дальше. На наших глазах выросли города, полетели ездовые альбатросы, вознеслись дома, дворцы, мосты. Кем бы ни был человек, потративший сотни дней на эти рисунки, он безусловно был талантлив.

Или – безумен.

Потому что чем дальше мы двигались, тем непонятнее становились картины. Четкие и ясные у решетки, они все сильнее походили на бред умалишенного – во мраке. Свет факела тоже становился тусклее, так что складывать черточки и рваные линии в цельное изображе-

ние удавалось с трудом. Словно и сам художник терял рассудок, оттого его рука дрожала и создавала нечто нереальное. Город, парящий над пропастью. Каскады шпилей, арок, мостов – то ли образец высочайшего искусства, то ли кошмар. Искривленные часы, капающие кровью. Странный корабль, плывущий в небе. Человек с занесенным над головой пылающим мечом. Лица у него не было: вместо глаз, носа и рта плелись незнакомые символы-буквы. Армия... Огромный Змей, обвивающий хвостом город и пожирающий его жителей... Огонь, разрушение, руины и смерть! Ужас – живой, реальный, осязаемый разливался во мраке, заставляя нас тяжело дышать и почти выбивая из глаз слезы.

Еще шагок...

Оскаленные морды, когти, лапы...

Какие-то непонятные груды, кучи тел...

Эфрим.

Скалящееся со стены чудовище, тоже почти осязаемое.

Дальше... Девушка в развивающейся мантии и с крыльями за спиной... Она стояла впол-оборота, казалось – миг, и покажет нам свое лицо, прячущееся за перьями. Из толстой косы выбились завитки волос. Такие реальные, что хочется поправить их рукой...

Я замерла, уставившись на последнее изображение. Очень похожая статуя встретила меня в Мертвомире.

Художник точно был безумен.

Но он, очевидно, тоже побывал за Дверью.

Остальная стена тонула во тьме, но ощущение, что оттуда на нас смотрят потусторонние глаза, ужас и тоска – не покидали.

– Как думаете, что все это значит? – глухим шепотом произнесла Мелания. Нервно выдернула из-за ворота звезду – знак своей святой, прижала к губам.

Почему-то говорить громко было страшно.

– Один из заключенных сошел в этой темнице с ума и начал бредить, – сердито и нарочито громко сказала Ливентия. Но все же отступила в сторону света. – Хотя не могу не признать – этот сумасшедший был настоящим гением. Никогда не видела таких... картин. Они же словно живые.

– Думаешь, он умер здесь? – вздрогнула послушница и обернулась, словно страхась увидеть сидящий в углу скелет. – Я слышала, что смерть художника наполняет его творения жизнью.

– Я думаю, что кто-то здесь слишком впечатлительный, – скривилась Ливентия, явно пытаясь не поддаваться силе рисунков. Но было очевидно, что красавице не по себе. Южную смуглость сменила неестественная бледность.

Сердито фыркнув, Ливентия отошла, Мелания торопливо бросилась за ней. Я посмотрела во тьму, за край света. На границе стояла крылатая девушка. Дальше скалился эфрим.

И он был почти живой...

Я поежилась и торопливо отвернулась.

Итан стоял неподвижно возле рисунка крылатой. Свет факела почти не достигал его, прятал в сумраке крылья. Парень поднял руку и медленно погладил нарисованные перья. Мне показалось, что его пальцы дрожат.

После увиденного всем было ощутимо не по себе, даже косорыловка не спасала от гнетущего впечатления. Странная стена пугала и в то же время – притягивала. Хотелось снова рассмотреть подробности, окунуться в нарисованный мир. Но что-то внутри сопротивлялось, кричало об опасности.

Не сговариваясь, мы повернулись к стене спинами, сбившись в тесную кучу возле решетки, поближе к факелу. Здесь была навалена подгнившая солома – хоть какая-то под-

стилка. Итан благородно отдал свой плащ замерзающей Ливентии и даже удостоился от нее благодарности.

– Поверить не могу, что сижу с вами в каком-то вонючем подземелье, – буркнула красавица, пытаясь разрядить обстановку.

– Ох, не начинай, – махнула рукой послушница, натянуто улыбаясь. – Мы тебя с собой не звали. Кстати, если бы ты не пошла, Ринг мог и не полыхнуть! Ясно, что ты его раздражаешь даже в бессознательном состоянии!

– Его Дар – Черное пламя! – тоже улыбнулась я. – Невероятно!

– Интересно, что он нашел в Мертвом мире, – протянула Ливентия.

И где – подумала я.

Но в то же время порадовалась, что Рингу удалось хоть что-то добыть!

– А что с остальными, они нашли Дары? Мелания, ты знаешь?

Девушка покачала головой.

– Надеюсь, Рейна получит в подарок рецепт яблочного пирога, – фыркнула Ливентия. – А Альф – полезное умение фигурно штопать носки!

Мы рассмеялись, сбрасывая напряжение. Со всех сторон посыпались предположения о том, что могли бы получить в дар наши друзья и недруги. Так мы развлекались ближайший час, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло. Потом переключились на сожаления о заканчивающейся косорыловке и мысли о том, чем бы мы сейчас отужинали. Голодные животы подпевали урчанием.

– Иви, может, тебе достался Дар создавать из воздуха сдобные булочки? Попробуй?

– Нет таких Даров, – фыркнула я и показала свой браслет. – К тому же, мой, если он и есть, надежно заперт, как видите.

* * *

Факел чадил, и мы поглядывали на него с опаской – не погас бы. Оставаться во тьме было страшно, так и чудилось, что жуткие рисунки оживут и сойдут со стены. Разум понимал, что это всего лишь линии – следы серого грифеля на камне, но нутро противилось этому пониманию и нашептывало, что безумие заключенного художника может быть опасно. Может свести с ума и нас...

Это ощущение было совершенно необъяснимым, но невероятно ясным.

И даже не обсуждая это, было понятно, что опасность рисунков чувствует каждый из нас. Устав, друзья притихли.

Я куталась в свой плащ и думала о крылатой девушке и городе, висящем в воздухе.

А вот об эфримах – нет, опасаясь своих мыслей.

Потом я все-таки задремала, привалившись головой к влажной стене.

А проснулась от скрипа опускающейся платформы и злого голоса Кристиана:

– Иви! Какого Змея ты снова натворила! Почему стоит тебе прийти в себя, ты тут же влипаешь в неприятности?

– Февр Стит! – пропела, вскакивая Ливентия. – Доброго вечера! Утра...

– Ночи, – буркнул Кристиан недовольно. Смерил нашу помятую и грязную компанию сердитым взглядом. Рядом ухмылялся Лаверн, поигрывая связкой с ключами. Мы уставились на нее с вождением.

– Вы пришли нас освободить? – Ливентия поправила блестящий локон. Изумительно, но даже после ночи в подземелье южанка выглядела соблазнительно. Она улыбнулась, и меня кольнуло воспоминание о ее поцелуе с Крисом. Вдруг он пришел за ней?

– Нет, лишь сказать, что ужасно недоволен! Иви! Ты наказана! Поняла меня?

Я истоиво закивала головой. Наказана так наказана, только можно отсюда выйти? Итан встал рядом, пытаясь меня поддержать, но это лишь вызвало новый приступ злости у моего «брата».

Я осторожно отодвинулась.

– Знаешь, Стит, что-то не вижу у этой компании раскаяния, – хмыкнул Лаверн. – Может, пусть еще посидят – подумают?

– Не-е-т! – дружно взвыли мы. – Выпустите нас!

– Радуйтесь, что я добрый, – широко улыбнулся Лаверн и подмигнул мне. – Не могу отказать красивым девушкам. Только за вами должок, так и знайте!

– Довольно, – отрезал Кристиан и указал напарнику на замок. – Открывай.

Лаверн снова подмигнул, но все же сунул ключ в скважину.

На ступени Вестхольда мы вывалились, с трудом сдерживая ликование. Утро лишь зарождалось у края земли, приглушая звезды в прорехах низких туч. У подножия лестницы, фонарей и вдоль стен стелился густой туман. Ночь в подземелье оказалась не самым приятным воспоминанием, и повторять этот опыт никто из нас не желал. В этом Верховный не ошибся. Стоило подумать о темнице безумного художника, и тело охватывала дрожь.

Попрощаться с друзьями я не успела, злой Кристиан засунул меня в мехомобиль и рванул с места.

«Будет орать», – подумала я, поёжившись.

Остановившись возле дома, Крис открыл передо мной дверь. И, взглянув на лицо февра, я подумала, что в подземелье было не так уж и плохо...

– Слушай, мы просто хотели помочь Рингу... – начала я, заходя в дом.

Кристиан развернул меня на пороге, схватил за плечи.

– Иви, – рявкнул он. – Тебя нельзя оставить без надзора даже на одну минуту? Какого Змея? Я искал тебя по всему Двериндариуму и возле Взморья, не понимая, куда ты пропала! Хорошо хоть Лаверн сообщил, что вашу компанию отправили в подземелье безумия!

– Подземелье безумия? Ты видел рисунки? – оживилась я. – Не знаешь, кто все это нарисовал?

– Конечно, я видел! Бывший заключенный. И не переводи тему! Ну-ка... – Кристиан склонился и принялся. – Иви, ты что, пила?

– Исключительно чтобы согреться! – развела я руками.

– Вы напились и пошли спасать своего друга? Великий Привратник! У вас совсем нет разума?

– Есть. Вроде бы... – совершенно честно произнесла я. – Мы хотели помочь...

Сейчас затея вовсе не выглядела здоровой. К тому же от клятой косорыловки и подземелья разболелась голова.

– Ты наказана! – разозлился февр.

– Угу, – поморщилась я. – Только можно говорить тише, кажется, мне нехорошо... Думаю, мне надо поспать...

– Нехорошо? – вкрадчиво произнес Кристиан. – Тогда сейчас станет еще хуже. Через час нас ожидает Совет. Мы должны еще раз поведать о приключениях за Дверью. И наш рассказ будет внесен в официальный отчет Двериндариума.

Я представила себе строгие лица, бесконечные вопросы. И застонала – мысленно.

– Через час? Да вы издеваетесь?

– Верховный знает, что делает, – буркнул Кристиан, но уже не так сердито. – В подземелье отправляют нечасто, но его посещение отбивает охоту к авантюрам. Говорят, рисунки безумца действительно сводят с ума, правда, на это надо больше времени, чем несколько часов. Но головная боль и нервное потрясение вашей компании обеспечены уже сегодня. И поверь, до кровати никто из вас в ближайшие часы не доберется.

Я застонала вслух. Мысли в голове путались, и я вдруг усомнилась, что смогу в таком состоянии врать и выкручиваться. Двуликий! Да я почти готова все выложить об эфрима-Ржавчине, лишь бы меня оставили в покое!

Кольнул страх – а вдруг Верховный этого и добивался? Вдруг не поверил моему рассказу?

Посмотрела на Кристиана. Он тоже выглядел не лучшим образом – запавшие глаза, еще сильнее обозначившиеся скулы, побелевшие губы. Тоже сонный и злой. Вместо того, чтобы отдыхать, он был вынужден искать меня по всему острову!

– Прости меня, – сконфуженно пробормотала я. Неловко взяла ладонь февра, сжала его пальцы. – Похоже, я сделал глупость.

Он опустил взгляд на наши соединенные руки. И я как-то остро ощутила тепло его пальцев, скрытую силу расслабленной ладони, легкую шероховатость кожи. Словно все чувства, все ощущения сосредоточились в месте прикосновения.

– Ты просишь у меня прощения, Иви? – медленно произнес Кристиан, все еще не поднимая взгляд.

– Да...

– Ты и правда изменилась. Раньше ты считала себя выше таких глупостей, как чужое прощение. Даже после смерти моей матери.

Я затаила дыхание. А Кристиан поднял голову и посмотрел мне в глаза. Так посмотрел, что я ощутила его губы на своих. Как ночью, как в том сне, что мы разделили на двоих. Я хотела бы сделать его реальностью.

Кристиан вздохнул и отпустил мою руку.

– Иди за мной, – слишком резко бросил он, направляя на кухню.

Там вбил в высокий стакан два яйца, добавил томатный сок, какую-то склизкую зеленую настойку, еще более мерзкую – черную, и несколько пилюль. Сосредоточенно перемешал, сунул мне в руки и приказал:

– Залпом.

Я посмотрел на искры насмешки в его глазах, на стакан с жуткой пузырящейся гадостью... И все выпила! Как и было приказано – в несколько глотков.

Одно мгновение ничего не происходило, потом внутри меня взорвались фейерверки. Из глаз посыпались разноцветные искры – в прямом смысле! Задышавшись, я упала на колени и какое-то время просто пыталась вздохнуть. Похоже, Кристиан решил наконец избавиться от обузы в моем лице!

А потом все прошло. И фейерверки, и моя головная боль, и усталость! Полностью!

Шатаюсь, я выпрямилась. Вытянула руки. Божественный Привратник! Даже мое зрение стало острее! Я ощущала мир четко, ясно, красочно! Великолепно!

– Что это такое? Я чувствую себя просто волшебю!

От избытка чувств я бросилась Крису на шею, встала на носочки и прижалась губами к его щеке.

– Благодарю!

– Эффект продлится часа три-четыре, – чуть хрипло произнес февр.

– Ты лучший брат на свете!

– Не думаю, – сказал Кристиан, притягивая меня ближе. Его ладонь скользнула по моей спине.

И он тут же отступил.

– У тебя есть время, чтобы привести себя в порядок, Иви. И ты все еще наказана.

– Вообще-то нечестно наказывать дважды за один проступок! – подбоченилась я. Хотелось начать приплясывать.

– Можешь написать жалобу на имя Верховного! – отбил Кристиан. – Я скажу Силве, что в следующий раз ты сама уберёшь дом.

– Что?

– Ты слышала. И кстати, не спеши так радоваться. Действие напитка закончится раньше, чем ты вернешься домой. Сегодня у тебя начинаются тренировки по выявлению Дара. Уборку, так уж и быть, сделаешь завтра.

Я открыла рот, чтобы возмутиться, но бронзовые напольные часы глухо звякнули, открывая хрустальную дверцу. Оттуда высунулась бронзовая птичка и пропела о том, что отведенное мне время заканчивается! Так что я схватила со стола печенье, сунула в рот и понеслась к лестнице. Остановилась на ступеньке.

– Знаешь, Крис, после того, как я видела твой голый зад и тащила тебя из Мертвомира, я рассчитывала на большее понимание!

– Так и знал, что ты меня рассматривала.

– В следующий раз отдам тебя эфриму.

– Понравилось увиденное?

– Ты слишком высокого мнения о себе! И своем... тыле!

– Признаться, я тоже не могу забыть твой наряд из листьев.

– И кто кого рассматривал? – возмутилась я. – Даже не надейся, что я снова возьму тебя за Дверь!

– Даже не надейся, что я отпущу тебя с кем-то другим.

Наши взгляды встретились. И я кинула в феэра печенье!

– Все равно мне убирать!

И взлетела на второй этаж под смех Кристиана.

Глава 6. Совет и первый урок

Я почти успела.

Пока торопливо мылась, пока переодевалась, пока носилась между купальной комнатой и спальней, пока запихивала в рот порцию булочек и сладкого чая – время неумолимо утекало.

В Малый Зал Совета я входила запыхавшаяся, потрепанная и взбудораженная. Словно подчеркивая разницу, Кристиан выглядел спокойным и собранным. Его черная форма была в идеальном порядке – от носков блестящих сапог до кожаных перчаток и ремней, скрещивающихся на груди.

Только вот оружие февру пришлось оставить снаружи.

Несмотря на ранний час, нас уже ждали. Насколько я знала, Малый Совет Двериндариума включал Верховного и пять старших февров. В Большой Совет входило два десятка самых влиятельных людей Империи во главе с самим императором.

Даже меньший состав нагонял на меня ужас и панику. Малый Зал оказался впечатляющим помещением. Три черные стены были украшены золотыми и серебряными символами: огромный герб наших земель, каноническое изображение Привратника и карта Империи. Под потолком мерцала огромная хрустальная люстра, освещающая единственный предмет мебели – полукруглый стол. За ним уже восседали шесть человек, одетые в серые мантии с капюшонами – напоминание о первом человеке, открывшем Дверь.

В стороне, на низком стуле, расположился сонный архивариус-запечатлитель, призванный сохранить все, что будет сказано на Совете.

Мы с Кристианом остановились в нескольких шагах от стола, и я едва сдержала желание поежиться. Вместо этого повыше задрала подбородок, не желая показывать страх.

Два лица я узнала. Верховного и – к моему удивлению – леди Куартис. Остальные места занимали незнакомые мне февры. Три седовласых старца и жутковатый одноглазый каратель. Вероятно, каждый из них обладал выдающимися способностями и имел заслуги перед Империей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.